

Девушка Online

ЗОИ САГГ

Zoella

ПЕРВЫЙ РОМАН
ОТ СЕНСАЦИИ
YOUTUBE

Зои Сагг

Девушка Online

«АСТ»

2014

Сагг З.

Девушка Online / З. Сагг — «АСТ», 2014

Дебютный роман сенсации YouTube Зои Сагг побил все рекорды уже в первую неделю продаж. Было распродано более 78 000 экземпляров. Зои, или Zoella, – популярный блогер и влогер из Великобритании. Ее канал на YouTube насчитывает более 7 млн человек. «Девушка Online» – это анонимный блог пятнадцатилетней Пенни Портер, в котором она делится со своими подписчиками самыми сокровенными мыслями и тайнами своей жизни.

© Сагг З., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Год назад...	6
Глава первая	8
Глава вторая	12
Глава третья	16
Глава четвертая	22
Глава пятая	25
Глава шестая	27
Глава седьмая	30
Глава восьмая	33
Глава девятая	37
Глава десятая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Зои Сагг

Девушка Online

Я посвящаю эту книгу всем, кто сделал ее появление реальностью. Всем, кто подписался на мой канал, смотрел видео и читал блог. И не важно когда: в 2009 году или вчера. Ваша поддержка для меня – всё. У меня нет слов, чтобы передать, как я люблю каждого из вас. Благодаря вам эта книга увидела свет.

Перевод с английского *Марии Шаниной*

Дизайн обложки *Александра Шпакова*

Сагг, Зои Девушка Online: [роман] / Зои Сагг; пер. с англ. М. Шаниной. – Москва: АСТ, 2015. – 352 с.

ISBN 978-5-17-089895-4

Zoe Sugg

GIRL ONLINE

Original English language edition first published by Penguin Books Ltd, London.

Печатается с разрешения издательства Penguin Books Ltd.

© Zoe Sugg 2014

Author picture © Zoe Sugg

© М. Шанина, перевод на русский язык, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Зои Сагг, известная как Zoella (Зоэлла), – двадцатичетырехлетний влогер (видеоблогер) из Брайтона, Великобритания. Ее влоги о красоте, моде и стиле жизни привлекли миллионы подписчиков на YouTube, а количество просмотров видео растет с каждым месяцем. Она выиграла награду «Космополитан» за лучший блог о красоте в 2011 году, а в следующем была признана лучшим бьюти-блогером. Зои получила звание самого популярного британского блогера в 2013 году на *Radio 1 Teen Awards*, а в 2014 удостоилась звания самого любимого блогера Великобритании на *Nickelodeon Kids Choice Awards*. На награждении *Teen Choice Awards* 2014 года Зои назвали «Веб-звездой» красоты и моды.

Год назад...

22 ноября

Всем привет!

Я решила начать блог.

Этот блог.

Спросите почему?

Вы знаете, что будет, если открыть банку колы, которую перед этим хорошо взболтали? Вот именно так я себя и чувствую. Мысли просто захлестывают меня, переполняют – но я слишком не уверена в себе, чтобы говорить об этом вслух.

Папа однажды посоветовал мне вести личный дневник. Уверял, что это отличный способ выразить самые сокровенные чувства. Говорил, что, когда я вырасту, то перечитаю записи и еще больше начну ценить школьные годы. Похоже, он окончил школу так давно, что совсем позабыл, каково это на самом деле – быть подростком.

Нет, я все-таки попробовала эту идею с дневником. И перед тем, как капитулировать, даже сделала три-четыре записи. Звучали они примерно так:

«Сегодня шел дождь. Испортила туфли. Дженни хотела прогулять математику. Не прогуляла. На естествознании Джон Барри ковырял карандашом в носу, и у него пошла кровь. Я рассмеялась, а он обиделся. Неловко вышло. Спокойной ночи, дневник».

Не Бриджит Джонс, в общем. Не впечатляет.

Если честно, я не вижу смысла в записях, которые могу прочесть только я сама.

Мне хочется думать, что кто-то может разделить мои чувства.

Вот я и решила завести этот блог, чтобы у меня была возможность поделиться с людьми тем, о чем я думаю. Тогда и так, как я сама решу. Не хочу постоянно волноваться, что произведу не лучшее впечатление, ляпну глупость или обижу друзей.

Именно поэтому я буду вести блог анонимно, скрываясь за ником.

Тогда я смогу остаться собой.

Мой лучший друг Вики (конечно, его по-другому зовут, но если скажу настоящее имя, меня можно будет вычислить) назвал бы это «эпической трагедией»: мне приходится скрывать, кто я есть, чтобы быть собой. Но что Вики понимает? Он же не девочка-подросток, страдающая от неуверенности в себе (на самом деле, он мальчик-подросток, страдающий от неуверенности в родителях, но это уже другая история).

Забавно, я всего лишь тинейджер, а у меня столько поводов для переживаний... Хотя я же решила быть откровенной, так что скрывать мне нечего – вот они:

Хит-парад заморочек девочки-подростка

1. Ты обязана всегда выглядеть на все сто;
2. Но это невозможно, когда твои гормоны сходят с ума;

3. И поэтому у тебя сейчас столько прыщей, сколько не будет больше за всю жизнь (что делает пункт номер один невыполнимым);

4. Мало того, теперь ты сама решаешь, когда и сколько шоколадок купить (что обостряет проблему из пункта три);

5. Всем вдруг становится небезразлично, что на тебе надето;

6. И твоя одежда тоже должна выглядеть на все сто;

7. Ты должна уметь позировать как супермодель;

8. Чтобы делать селфи каждый божий день;

9. И выкладывать их в соцсетях на всеобщее обозрение;

10. А после всего этого тебе еще нужно быть чертовски привлекательной для противоположного пола.

Представьте, что напечатав эти строки, я драматически заламываю руки и тяжело вздыхаю.

Но если серьезно, я же не единственная, кому выпала тяжелая подростковая доля.

Я очень надеюсь, что мои ровесницы втайне разделяют мои чувства.

И возможно, настанет день, когда мы поймем, что не одиноки, и поэтому не надо больше притворяться, а можно быть собой.

Это было бы так здорово.

Ну а пока я буду искренней только в своем блоге. А в реале придется оставаться ненастоящей.

Здесь я буду писать о том, что чувствую на самом деле, и надеюсь, что вы (кем бы вы ни были) поддержите эту идею.

Тогда у нас с вами в сети появится уютный уголок, где можно без притворства говорить на важные для девушек темы.

Забыла сказать: я увлекаюсь фотографией (разве не чудо, что камера умеет останавливать время, навсегда сохраняя в памяти волшебные моменты: красивые закаты, дни рождения, глазированные капкейки с соленой карамелью, покрытые глазурью...). Так что здесь будет много моих фотографий. Но селфи от меня не ждите. Сами понимаете, анонимность.

Пожалуй, на сегодня все. Спасибо всем, кто дочитал до конца (если кто-нибудь вообще читал)! Если есть, что сказать по этому поводу, дайте знать в комментариях.

Девушка Online уходит в offline xxx

Глава первая

Нынешние дни...

Привет, Пенни. Ты знала, что Уильям Шекспир – анаграмма к «В орфографии слаб¹»?

Я читаю эсэмэс от Эллиота и глубоко вздыхаю. За всё время, что я сижу на генеральной репетиции Ромео и Джульетты (три часа жизни, потраченные впустую), Эллиот прислал мне сотню несвязанных между собой фактов об авторе пьесы. Конечно, это он из лучших побуждений, чтобы я не умерла со скуки, но неужели кому-то и впрямь интересно будет узнать, что Шекспир перешел в баптизм в 1564 году, или что у него было семь братьев и сестер?

– Пенни, сфотографируй, как Джульетта наклоняется из окна трейлера.

– Хорошо, – киваю я мистеру Биконсфилду и хватаю камеру.

Мистер Биконсфилд ведет актерское мастерство у старших классов. Он – один из тех учителей, что пытаются быть на короткой ноге с учениками. Просит называть его «просто Джеф» и изводит тонны геля для волос на модную укладку. Это с его легкой руки действие Ромео и Джульетты перенеслось в бруклинское гетто, так что наша Джульетта не стоит на балконе, а выглядывает из окна трейлера.

Моя лучшая школьная подруга Меган без ума от мистера Биконсфилда. Но иначе и быть не может: во всех спектаклях он отдает ей главную роль. Мне кажется, он слегка чокнутый. Учителя не должны тусоваться с подростками. Они должны волноваться о школьных проверках и пометать что-то в учебниках – ну, или чем они там еще в учительской занимаются?

Я поднимаюсь на сцену, приседаю и направляю объектив на Меган. На ней рэперская кепка и толстая фальшивая золотая цепь с крупным, тоже золотым знаком доллара – конечно, фальшивым. В настоящей жизни она такое под страхом смерти бы не надела, что еще раз доказывает, как сильно ей нравится мистер Биконсфилд. Я уже подобрала хороший ракурс, но тут раздается шепот Меган:

– Смотри, чтобы прыщ в кадр не попал.

– Что? – тихо переспрашиваю я.

– Прыщ, сбоку на носу. Снимай так, чтобы его не было видно.

– А... Хорошо!

Я подаюсь в сторону и ставлю крупный план. Освещение в этой точке не очень, но зато кожа кажется ровной. Я делаю фото и поворачиваюсь, чтобы спуститься в зал. Мой взгляд скользит по пустым креслам. Кроме меня, на репетицию пришли только мистер Биконсфилд и двое помощников режиссера. Я с облегчением выдыхаю. Сказать, что я хорошо переношу толпу – это все равно что заявить, будто Джастин Бибер ладит с папарацци. Не представляю, как люди вообще могут выступать перед публикой. Я постояла на сцене всего пару секунд, чтобы сделать фото, но уже успела почувствовать себя не в своей тарелке.

– Спасибо, Пен, – раздается голос мистера Биконсфилда, и я тут же спускаюсь в зал.

Вот что еще меня раздражает в этом учителе: привычка фамильярничать с учениками. Он со всеми на ты. Нет, правда, когда родственники зовут меня Пен – это одно, но когда учитель...

Я возвращаюсь на свое укромное место с краю от сцены. Телефон снова вибрирует.

Ты не поверишь! Во времена Шекспира Джульетту играли мужчины!
Скажи Олли, вот лицо у него будет #

¹ William Shakespeare – weakish speller. – Здесь и далее примеч. ред.

Я поднимаю глаза на Олли. Он смотрит на Меган.

– Но, тише, что за свет в ее окне, – произносит Олли с неубедительным американским акцентом.

Я только вздыхаю. Его не портит даже костюм современного Ромео, хотя он намного хуже, чем у Меган (что-то среднее между Снуп Доггом и типичным неудачником из шоу Джереми Кайла).

Эллиот терпеть не может Олли. Считает его напыщенным эгоистом и называет «Ходячий Селфи». Но он совсем его не знает. Эллиот учится в частной школе в Хове и судит об Олли всего по нескольким случайным встречам на пляже и в городе.

– А меня Пенни будет фотографировать? – уточняет Олли, произнося слова на американский манер. Говорить с акцентом он начал сразу, как только его утвердили на роль. Наверное, все именитые актеры так делают, чтобы «вжиться в образ».

– Сейчас щелкнет, – отвечает «просто Джеф».

Я убираю телефон и снова взбегаю на сцену.

– Только снимай меня с лучшей стороны, – тихо просит Олли, чье лицо едва видно под огромным козырьком украшенной черными стразами бейсболки.

– Напомни, какая сторона – лучшая?

Олли смотрит на меня как на дурочку.

– Просто сложно выбрать, – шепчу я в ответ, заливаясь краской.

Олли только хмурит брови.

– У тебя обе стороны симпатичные, – в отчаянье выпаливаю я. Боже, да что это такое со мной творится?! Услышь этот разговор Эллиот, он бы в истерике забился. В эту секунду Олли расплывается в улыбке, и его лицо сразу становится мальчишески-простодушным.

– Правая лучше, – отвечает он и снова поворачивается к Джульетте.

– С моей стороны правая или с твоей? – решаю уточнить я.

– Пен, фотографируй уже, у нас мало времени, – раздается голос мистера Биконсфилда.

– С моей, естественно, – шипит в ответ Олли, опять глядя на меня как на слабоумную.

Даже Меган смотрит на меня осуждающе. Покраснев от стыда, я делаю кадр не проверив, правильно ли падает свет и как подобран угол. Просто нажимаю на кнопку и поспешно ретируюсь.

Я дожидаюсь окончания репетиции (успевая за это время узнать от Эллиота, что Шекспир женился в восемнадцать и написал тридцать восемь пьес), и мы всей компанией идем в кафе «Джи Би», где готовят отличные молочные коктейли и картошку фри.

Мы выходим на пляж и тут со мной ровняется Олли.

– Как делиииишки? – заговаривает он, растягивая гласные на нью-йоркский манер.

– Ээээ... Хорошо, спасибо. – Рядом с ним я теряю дар речи. В обычной одежде Олли еще красивее, чем на сцене. У него светлые, небрежно уложенные волосы и голубые глаза, которые в свете зимнего солнца кажутся бездонными как море. Честно сказать, я не уверена, что Олли – мой тип, слишком уж он идеален: лицо звезды бой-бэнда и тело атлета. И все же я очень стесняюсь, ведь все внимание главного красавчика школы обращено сейчас ко мне одной.

– Хотел спросить... – начинает он, улыбаясь от уха до уха.

И тут же мой внутренний голос заканчивает за него вопрос: *«Что ты делаешь в свободное время? И почему я раньше тебя не замечал? Может, согласишься на свидание со мной?»*

– ...можно посмотреть, как я на фото получился? Я должен быть уверен, что выгляжу супер.

– А, да. Конечно. Покажу, когда в «Джи Би» придем.

И с этими словами я проваливаюсь в яму. Конечно, не в настоящую глубокую яму, и проваливаюсь не с головой, разумеется. Но я спотыкаюсь, и меня заносит в сторону, как заядлого алкаша. Вот именно за это я и ненавижу Брайтон – здесь полно ям, и все они словно спе-

циально созданы и расположены так, чтобы я обязательно в них угодила! Я делаю вид, что это был такой специальный маневр, а Олли притворяется, что ничего не случилось.

Мы заходим в кафе, и Олли садится на диванчик рядом со мной. Меган вскидывает брови, и мне сразу становится неловко. Вообще, Меган умеет смотреть на меня так, что я сразу чувствую себя провинившимся ребенком. Я отвожу взгляд и начинаю изучать рождественское оформление зала: красную и зеленую мишуру и механического Санта Клауса, смеющегося «Хо-хо-хо» каждый раз, когда кто-то проходит мимо. Рождество – мое самое любимое время года. Есть в новогодней поре что-то успокаивающее. Когда я снова поворачиваюсь к столу, то с облегчением замечаю, что Меган уткнулась в свой телефон.

В голову приходит идея для нового поста в блоге, и кончики пальцев начинают едва заметно барабанить по столу. Иногда мне кажется, что школа – это большая театральная постановка, в которой каждому отведена своя роль. По сценарию Олли должен сейчас сидеть не рядом со мной, а с Меган. Они не встречаются, ничего подобного, просто стоят на одной ступени школьной социальной лестницы. И Меган никогда не проваливается в ямы. Она словно скользит по жизни, и ее блестящие каштановые волосы плавно покачиваются от легких дуновений. Вот к Меган подсели двойняшки Кира и Амара. У них в этом воображаемом сценарии нет ни одной реплики. Но и в реальной жизни Меган относится к ним так, будто они всего лишь девочки из массовки.

– Принести вам какие-нибудь напитки? – улыбаясь, обращается к нам официантка с блокнотом в руках.

– Да, сууупер, – громко отвечает Олли, так старательно изображая американца, что хочется сказать: «Я не с ним».

Мы все заказываем молочные коктейли, а Меган берет минералку.

– Ну что, я посмотрю? – поворачивается ко мне Оли.

– Что? Ах, да. – Я выуживаю из сумки фотоаппарат и начинаю пролистывать фотографии. Найдя нужный снимок, я протягиваю Олли камеру и замираю, ожидая его оценки.

– Здорово получилось, молодец.

– О, я тоже хочу на себя посмотреть! – Меган выхватывает фотоаппарат и начинает рьяно давить на кнопки. Я замираю.

Вообще я человек не жадный, могу даже отдать брату половину шоколадок из рождественского календаря, но моя камера – это совсем другое. Она – моя самая ценная вещь, моя отдушина.

– О. Бо. Же! Пенни! – возмущается Меган. – Надо же так сфоткать! Я тут как будто с усами. – Она швыряет фотоаппарат на стол.

– Осторожно! – вскрикиваю я.

Меган едва поднимает на меня глаза, потом снова берет камеру и жмет на все кнопки подряд, пытаясь удалить фотографию.

Я с силой вырываю у нее фотоаппарат, и один из нарощенных ногтей Меган цепляется за шнурок.

– Ай! Ты мне ноготь сломала!

– А ты чуть не сломала камеру.

– Ты только о своей камере и думаешь, – язвительно отвечает Меган. – Я не виновата, что ты сделала такое жуткое фото.

В моей голове тут же рождается достойный ответ: *«Я не виновата, что ты заставила себя так сфотографировать из-за прыща на носу»*. Но вслух я этого, конечно, не говорю.

– Дай-ка посмотрю. – Олли забирает у меня фотоаппарат и начинает истерически хохотать, а Меган бросает на меня яростный взгляд.

К горлу подступает ком. Я молюсь, чтобы недавний кошмар не повторился, и тут мне становится невыносимо жарко. Я не могу дышать. Кажется, будто все знаменитости, чьи фото

развешаны на стенах кафе, пристально смотрят на меня. Песня из музыкального автомата вдруг звучит слишком громко. Красная обивка стульев режет глаз. Я не могу контролировать свои ощущения. Ладони покрываются испариной, а сердце стучит как бешеное.

«Хо-хо-хо» – приветствует посетителей механический Санта Клаус, но теперь его смех кажется зловещим, а не веселым.

– Мне нужно идти, – шепчу я.

– А что с фото? – капризно спрашивает Меган, поправляя свои длинные темные волосы.

– Сотру.

– А твой коктейль? – спрашивает Кира.

Достаю из кошелька деньги и кладу на стол, надеясь, что никто не заметит, как сильно трясутся руки.

– Пусть кто-нибудь выпьет. Я вспомнила, что обещала кое с чем маме помочь, мне надо идти домой.

На секунду мне кажется, что Олли искренне расстроен.

– Ты завтра будешь в городе? – спрашивает он.

Меган недоуменно смотрит на Олли.

– Думаю, да. – От сильного жара у меня начинает все плыть перед глазами. Если мне не дадут выйти на свежий воздух, я потеряю сознание. Я едва сдерживаюсь, чтобы не заорать Олли: «Выпусти меня!»

– Класс, – Олли встает с дивана и возвращает мне фотоаппарат. – Может, увидимся.

– Может.

Одна из двойняшек (я их уже не различаю) спрашивает, все ли в порядке, но я молчу. С трудом добираюсь до двери и выхожу на пляж. Громко кричит чайка, громко смеются люди. В мою сторону движется компания девушек. На них веселенькие розовые футболки и туфли на каблучках, хотя на дворе декабрь. У одной из девушек на голове фата. Я закатываю глаза. Вот что еще меня раздражает в Брайтоне, кроме ям: каждую пятницу к нам приезжает толпа народа, чтобы погулять на девичнике или мальчишнике. Я быстро ухожу с дороги и направляюсь к воде. Дует холодный ветер, я подставляю ему лицо. Стоя на мокрой гальке, я смотрю, как волны накатывают на берег, и постепенно успокаиваюсь.

Глава вторая

Большинство девчонок в обморок упадут, если, придя из школы, застанут свою маму за примеркой свадебного платья. Но мне не привыкать.

– Привет, Пен, – кричит мне с лестницы мама, едва я успеваю открыть дверь. – Ну, как тебе? – Она опирается на перила и эффектно вскидывает руку, каскад темно-рыжих волос спадает на ее плечи. Свадебное платье цвета слоновой кости, с завышенной талией и кружевными цветами на горловине, смотрится на ней великолепно. Но я так устала, что только киваю в ответ.

– Специально сшито в духе фестиваля Гластонбери, – объясняет мама, спускаясь с лестницы. Она целует меня в щеку, и я улавливаю привычный аромат роз и пачули. – Тебе нравится? Думаю, «дети цветов» его бы оценили.

– Да, очень милое.

– Милое? – переспрашивает мама, не веря своим ушам. – Нет, не милое! Это потрясающее, божественное платье!

– Это всего лишь платье, дорогая, – улыбается вошедший в гостиную папа.

Он смотрит на меня и многозначительно поднимает брови, я отвечаю тем же. Возможно, я внешне больше похожа на мать, но характером пошла в отца. Он гораздо прагматичнее мамы.

– Как день прошел? – интересуется папа, обнимая меня.

– Ничего. – Внезапно мне очень хочется перенестись в прошлое, чтобы мне снова было пять лет. Тогда бы я забралась папе на колени и попросила почитать мне добрую сказку.

– Ничего? – Папа делает шаг назад и заглядывает мне в глаза. – Ничего хорошего или ничего плохого?

– Ничего плохого, – отвечаю я, чтобы не волновать родителей.

– Отлично, – довольно отвечает папа.

– Пен, ты сможешь помочь завтра в агентстве? – спрашивает мама, прихорашиваясь перед большим зеркалом.

– Ладно. Это надолго?

– Всего на пару часов вечером, пока я буду на свадьбе.

Мои родители заправляют агентством по организации тематических свадеб «Вместе навсегда». Мама открыла его, когда оставила карьеру актрисы, чтобы больше заниматься мной и братом. Она обожает проводить необычные свадьбы и примерять платья будущих невест. Наверное, она скучает по чудесным нарядам из оставленной в прошлом театральной жизни.

– Ужин скоро? – спрашиваю у папы.

– Через час. Сегодня будет «пастуший пирог».

– Здорово, – радуюсь я. Папина картофельная запеканка с мясом – пальчики оближешь. – Я подожду наверху.

– Хорошо, – хором отвечают родители.

– Счастье ты мое! – восклицает мама и целует папу в щеку.

Я поднимаюсь на второй этаж и прохожу мимо родительской спальни. Останавливаюсь у комнаты Тома. Из-за двери доносится хип-хоп, который я раньше на дух не переносила. Но теперь Том учится в университете и приезжает домой только на каникулы. Сегодня его музыка меня совсем не раздражает, даже наоборот. Раз она играет, значит, Том приехал. Я по нему очень скучала.

– Привет, Том-Том, – кричу я брату.

– Привет, Пен-Пен, – доносится ответ.

Я прохожу в конец коридора и поднимаюсь по еще одной лестнице. Моя комната находится под самой крышей и гораздо меньше остальных спален, но я ее просто обожаю. Скошен-

ный потолок и деревянные стены делают ее необыкновенно уютной, а если присмотреться, то из окна можно увидеть тонкую полоску моря. Даже когда на улице темно и залива не видно, мысль о том, что он там, на горизонте, меня умиротворяет. Я включаю гирлянду, растянутую над туалетным столиком, зажигаю аромасвечи с запахом ванили и опускаюсь на кровать.

Теперь я могу спокойно обдумать произошедшее в кафе. Этот случай был третьим по счету. При этой мысли у меня внутри словно что-то обрывается. Теперь приступы не спишешь на случайность, как в первый раз, или на невезение, как во второй. Меня пробирает дрожь, и я укутываюсь в толстое пуховое одеяло. Его тепло напоминает мне о том времени, когда я была маленькой и мама делала мне палатку из одеял. Я могла часами лежать в таком домике с фонариком и книгами, прячась от внешнего мира.

Я сворачиваюсь калачиком и закрываю глаза, но тут раздается стук за стеной. Три удара. Я вскакиваю и стучу два раза в ответ.

Это Эллиот. Он живет в соседнем доме, и его спальня в мансарде через стенку от меня. Давным-давно мы придумали секретный код. Если кто-то стучит три раза, это значит: «Можно к тебе зайти?». Два удара в ответ расшифровываются как «Да, можешь прийти прямо сейчас».

Я быстро стягиваю школьную форму и переодеваюсь в уютный комбинезончик расцветки «под снежного леопарда». Эллиот терпеть не может домашние комбинезоны. Он вечно бурчит, что того, кто их придумал, нужно повесить вниз головой на брайтонском пирсе. Но Эллиоту простительно так говорить, он очень стильный парень. Эллиот не просто слепо следует моде – он так ловко комбинирует на первый взгляд несочетаемые вещи, что невозможно отвести глаз от его образов. Обожаю фотографировать его луки.

Я слышу, как Эллиот хлопает входной дверью, бросаю взгляд на зеркало у туалетного столика и тяжело вздыхаю. Я всегда вздыхаю, когда смотрю на свое отражение. У меня уже выработался рефлекс: посмотрела в зеркало – вздохнула. На этот раз причина не в веснушках, которых у меня на щеках не меньше, чем крапинок на перепелином яйце. В свете свечей их совсем не видно. На этот раз дело в волосах. Удивительно: если ветер растреплет волосы Олли, то он становится похожим на красавчика-серфера, а если мои, то они смотрятся так, будто я два пальца в розетку сунула.

Я быстро расчесываю кудряшки, но лучше не становится: теперь я похожа на одуванчик. Мало того, что я рыжая (хотя Эллиот и говорит, что у меня волосы цвета «клубничный блонд», блонда в моих волосах нет совсем), так еще и кучерявая. Лучше бы у меня были гладкие блестящие волосы, как у Меган. Я бросаю попытку расчесаться: в конце концов, Эллиот видел меня даже с немытой головой, когда я неделю валялась с гриппом.

Раздается звонок в дверь, и я слышу внизу голоса мамы и Эллиота. Он наверняка похвалил ее свадебное платье, он обожает мою маму, а она – Эллиота. У нас вся семья от него в восторге, Эллиот нам как родной. Будь наша воля, усыновили бы его. Родные мама и папа Эллиота – юристы. Они все время пропадают на работе и даже придя домой не отдыхают, а зарываются в бумаги. Эллиот уверен, что его подменили в роддоме. Мать и отец его никогда не слушали и не понимали. Однажды Эллиот попытался намекнуть, что ему нравятся мальчики, а его папа ответил: «Ничего, сынок. Все со временем проходит». Будто сексуальные предпочтения так легко поменять!

В коридоре слышатся шаги Эллиота.

– Леди Пенелопа! – торжественно произносит он, распахивая дверь.

На нем старомодный костюм в тонкую полоску, подтяжки и красные конверсы – повседневный вариант.

– О, лорд Эллиот! – восклицаю я в ответ (на прошлых выходных мы пересматривали «Аббатство Даунтон»).

Эллиот внимательно смотрит на меня сквозь очки в черной оправе.

– Рассказывай, что стряслось.

– О чем это ты? – я улыбаюсь и встряхиваю волосами, словно ничего не случилось.

– На тебе лица нет, да еще этот жуткий комбинезон надела. Ты его достнешь, только когда или все совсем плохо, или по физике задали большую домашку.

– А разве это не одно и то же? – хихикаю я в ответ и плюхаюсь на кровать.

Эллиот с обеспокоенным видом садится рядом, и я признаюсь ему:

– У меня... У меня опять был страшный приступ паники.

Эллиот крепко обнимает меня за плечи.

– Бедняга. А когда? Где?

– В «Джи Би».

– Ха, неудивительно, у них такой интерьер – любому плохо станет. А если серьезно, что случилось?

Я рассказываю, как было дело, и с каждым словом все сильнее смущаюсь. Сейчас произошедшее кажется сущим пустяком.

– Ну и что ты забыла в компании Меган и Олли? – недоумевает Эллиот, когда я заканчиваю ныть.

– Они тут ни при чем, это все из-за меня, – сбивчиво отвечаю я на его выпад. – И что я так по пустякам нервничаю? Нет, понимаю, когда первый приступ был, но тут-то...

Эллиот наклоняет голову (он так всегда делает, если что-нибудь обдумывает).

– Может, тебе написать об этом в блоге?

Эллиот – единственный, кому я рассказала про свой блог. Он узнал о нем сразу же, как только я написала первый пост, потому что: а) я ему доверяю, б) с ним я настоящая, так что из блога он ничего нового обо мне не узнает.

– Думаешь? Не слишком удручающий пост получится?

– Нет. Тебе станет легче, когда ты выговоришься. Может, лучше сможешь себя понять. А потом, вдруг среди твоих подписчиков найдется человек, кто через это уже прошел. Помнишь, что было, когда ты пожаловалась на свою неуклюжесть?

Я киваю в ответ. Месяцев шесть назад я написала в блоге о том, как налетела на мусорный контейнер и чуть не угодила в него с головой. Тогда число моих подписчиков увеличилось от 202 до 1000 за одну неделю. Никогда до этого моей записью не делилось столько человек. А из комментариев выяснилось, что не я одна родилась с геном неуклюжести.

– Может, ты и прав...

– Я *несомненно* прав, леди Пенелопа, – улыбается Эллиот.

* * *

15 декабря.

Нужна помощь!!

Привет, друзья!

Всем спасибо за чудесные комментарии к моим фоткам из «Рая коллекционера». Я очень рада, что вам тоже понравился этот необычный магазинчик, в котором чего только не найдешь.

На этой неделе мне непросто дается новый пост, потому что со мной начали происходить пугающие меня вещи. Когда я начинала вести блог, то пообещала быть в нем абсолютно искренней, но тогда даже представить не могла, что у «Девушки Online» будет 5 432 подписчика – спасибо, что вы есть! Честно говоря, мне немного не по себе от того, что столько народу узнает мою тайну, но Вики говорит, что мне станет легче, если я ей поделюсь. Что ж, попробую.

Некоторое время назад я попала в автокатастрофу. И хотя все обошлось – никто не умер и не покалечился, – это был худший день в моей жизни.

Мы с родителями возвращались домой в жуткий ливень – такой, что казалось, будто машина угодила в волну цунами. За стеной дождя ничего не было видно, дворники работали с бешеной скоростью, но толку от этого было мало. Мы выехали на широкую двухполосную дорогу, и нас подрезал какой-то лихач. Что было дальше, я не очень хорошо помню. Кажется, папа нажал на тормоз и попытался уйти от столкновения, но на скользкой дороге машина вылетела на встречную полосу и перевернулась.

Не знаю, как вы, а я такое только в кино видела. А когда в фильме переворачивается машина, то она или сразу же взрывается, или в нее влетает грузовик. Так что в ту секунду у меня в голове была одна мысль: «Мы все умрем!» Я звала маму и папу, даже не зная, что с ними. Они выкрикивали мое имя в ответ, но я не могла к ним перебраться, как ни пыталась. Я словно угодила в ловушку и беспомощно висела вниз головой на заднем сиденье.

Слава богу, никто не погиб. Какой-то хороший человек увидел, что произошло, и остановился, чтобы помочь. Приехали спасатели и быстро нас вытащили, а полицейские отвезли нас домой, где мы до рассвета пили сладкий чай, укутавшись в теплые одеяла.

Сейчас наша жизнь вернулась на круги своя. Во дворе припаркована новая машина, которая никогда не попадала в аварии. Родители предпочитают не говорить о случившемся, а все остальные твердят: «Тебе так повезло, ни одной царапинки». И я согласна, мне повезло. Но хотя на теле у меня нет ушибов и ссадин, внутри словно что-то сломалось.

Не думаю, что все попадавшие в аварию начинают испытывать панические приступы, но меня они не отпускают. Если я попадаю в стрессовую обстановку, то тут же словно возвращаюсь на место происшествия. Меня начинает бить дрожь, становится нестерпимо жарко, дышать – тяжело. Со мной такое случилось уже три раза, и я боюсь, что эти приступы будут повторяться снова и снова. Не знаю, как с этим жить.

Извините за такой угрюмый пост. Обещаю на следующей неделе снова стать той Девушкой Online, к которой вы привыкли, и порадовать вас вкусненькими кадрами из «Шоккивокидуда»! Но если среди вас есть кто-нибудь, прошедший через приступы паники, пожалуйста-пожалуйста, напишите в комментариях, как их остановить! Мне достаточно титула самой неуклюжей девушки во Вселенной, и титул самой отчаянной паникерши я с удовольствием уступаю кому-нибудь другому.

Спасибо, что прочитали!

Девушка Online уходит в offline xxx

Глава третья

На следующее утро я просыпаюсь от привычного хора голосистых чаек за окном. Лучи зимнего солнца пробиваются в комнату через просвет в занавесках. Хороший знак. Последние дни я вставала, когда за окном было еще темно.

Эллиот оказался прав: я отписалась в блоге, и мне стало легче. Как только он вчера ушел домой, я сразу же села за компьютер. Сначала мне было сложно подбирать слова, но, как только я написала пару предложений, все чувства и мысли сами собой вырвались наружу. Когда я закончила пост, глаза у меня слипались, так что я не стала, как обычно, дожидаться комментариев, а закрыла ноутбук и пошла спать.

Пока мое тело пытается смириться с тем, что ему придется встать с постели и встретить новый день, я обвожу взглядом спальню. Мама и папа шутят, что стены моей комнаты можно не оклеивать обоями, потому что каждый сантиметр увешан фотографиями. Когда место на стенах закончилось, я протянула над кроватью веревку, на которой, как флажки, развешиваю фото (в основном снимки винтажных нарядов Эллиота или его дурачеств на пляже). Здесь висит и моя любимая фотография, которую я сделала год назад в рождественское утро. На ней мама, папа и Том сидят рядом с елкой и держат в руках горячие кружки с кофе, от которых поднимается густой пар. Я смотрю на это фото и вспоминаю, как в следующее мгновение мама увидела, что я шпионю за ними с камерой, и подозвала к себе. Мы все расселись на диване и стали петь смешную версию традиционной «We Wish You a Merry Christmas»². Именно это мне и нравится в фотографии: ей под силу остановить чудесное мгновение и навсегда сохранить память о нем.

Беру со стола выключенный мобильный телефон. Пару секунд он загружается, а потом тишину разрывают звуковые отчеты о пришедших на мейл письмах. Я открываю почту, переполненную уведомлениями о новых комментариях в блоге. Поднимаю с пола ноутбук и с замирающим сердцем открываю крышку. Несмотря на то, что я уже целый год веду блог «Девушка Online», и мои подписчики всегда оставляют положительные комментарии, я до сих пор не могу избавиться от мысли, что в один день все может резко измениться. Что, если моя последняя запись показалась им слишком... слишком угнетающей?

Но все в порядке, даже очень хорошо. Я быстро проглядываю комментарии, которые пестрят словами «спасибо», «смелая», «честная», «любим тебя». Облегченно выдохнув, начинаю внимательно читать ответы на мою запись, и на глаза наворачиваются слезы.

Спасибо, что поделилась с нами...

Похоже, у тебя панические атаки. Не переживай, у меня тоже бывают...

А я думала, что я одна такая...

Теперь я не одинок...

После такого никто не остался бы прежним...

Спасибо за честность...

Со временем будет легче...

А ты пробовала релаксацию?

Ты такая смелая, что написала...

Я читаю еще и еще, и мне начинает казаться, будто меня укутали в теплый, сотканный из любви плед. Какое облегчение узнать, что у меня были «панические атаки», которые на самом деле существуют (я-то подумала, что у меня ум за разум зашел). Я мысленно делаю пометку «посмотреть в Интернете, как справляться с паническими атаками».

² «Желаем вам веселого Рождества».

Внизу скрипит дверь родительской спальни и слышатся негромкие шаги по коридору. Папа идет готовить фирменный воскресный завтрак. Мы с Эллиотом никогда не пропускаем это первоклассное шоу.

Все сковородки в доме идут в ход: папа обжаривает бекон, три разновидности сосисок, картофельные оладьи и яйца с помидорами. Какие у него получаются оладьи! От одной мысли в животе урчит.

Я пять раз стучу в стену, что на нашем языке значит «Уже проснулся?». Эллиот тут же стучит три раза в ответ, спрашивая, можно ли прийти, и я разрешаю, ударяя по стене дважды. Каждая клеточка моего тела радуется. Все налаживается. Панические атаки уйдут, как только пройдет шок от аварии, и жизнь войдет в свое привычное русло. А самое радостное – сейчас у нас будет «воскресный завтрак».

– Яйца-пашот или омлет? – спрашивает Эллиота папа. Каждое воскресное утро он надевает свой поварской костюм: серая толстовка, спортивные брюки и полосатый сине-белый фартук.

– А какой омлет? – уточняет Эллиот. Кому-то этот вопрос может показаться странным, но только не моему папе: он знает не менее двухсот различных рецептов омлета.

– *С нарезанный кубики лук репчатый, посыпанный лук-резанец, месье*, – пытается папа изобразить француза. Он часто говорит на такой манер, когда готовит, считая, что так он больше похож на шеф-повара.

– Тогда мне омлет, пожалуйста, – отвечает Эллиот и поднимает руку:

– Дайте пять!

Папа хлопает деревянной лопаточкой по его открытой ладони.

Эллиот пришел в пижаме, накинув поверх шелковый халат с бордово-зеленым орнаментом пейсли. Кажется, что Эллиот – сошедший с экрана герой черно-белого кино. Только трубки во рту не хватает.

Я наливаю себе стакан апельсинового сока, когда на кухню вползает Том. Тот факт, что он поднялся с постели раньше девяти утра в выходной – еще одно подтверждение тому, что папа готовит божественный завтрак.

Правда, то, что Том поднялся, совершенно не значит, что он проснулся.

– Доброе утро! – громко говорит Эллиот, чтобы Том его наверняка услышал.

– Угу, – бурчит Том в ответ, плюхается в кресло и роняет голову на стол.

– Кофеин для мистера Тома, – объявляет Эллиот, наливая в чашку густую черную жидкость из кофеварки.

Том приподнимает голову ровно настолько, чтобы получилось сделать глоток, и закрывает глаза, снова пробормотав «угу».

От плиты доносится головокружительный запах жареного бекона. Чтобы переключиться, я начинаю намазывать маслом кусок хлеба. Еще немного, и у меня в прямом смысле потекут слюнки.

– Привет-привет! – в кухню впархивает мама. Она единственная, кто прилично одет, потому что сразу после завтрака поедет открывать агентство. И как всегда, она отлично выглядит. Прямое мини-платье изумрудного цвета чудесно гармонирует с ее темно-рыжими волосами. Когда я надеваю что-то зеленое, то сразу становлюсь похожа на новогоднюю елку, а вот мама умеет носить этот цвет.

– Надеюсь, у всех хорошее настроение этим декабрьским утром? – спрашивает мама, обойдя стол и потрепав каждого по голове.

– Какой чудесный день, – напевает в ответ Эллиот.

Мама подходит к папе и целует его в спину, шепча:

– Пахнет восхитительно!

Папа разворачивается и крепко ее обнимает. Мы смущенно отводим глаза. Как здорово, что спустя столько лет в браке у мамы с папой сохранились такие отношения. Иногда они слишком рьяно демонстрируют их на публике, но зато не просиживают вечера в полном молчании, как родители Эллиота.

– Ты не передумала? Поможешь Андреа вечером в агентстве? – спрашивает мама, подсаживаясь ко мне.

– Да, помогу. Эллиот, может, прогуляемся утром по Лейнз?

Том страдальчески вздыхает. Он терпеть не может походы по магазинам, особенно шопинг. Наверное, поэтому на нем сейчас заношенная оранжевая футболка и штаны от красной пижамы.

– Конечно, да! – восклицает Эллиот, мой брат по духу.

– А потом поиграем в автоматы на причале? – с надеждой добавляю я.

– Конечно, *нет*, – отрезает Эллиот, хмуря брови, за что получает от меня по носу салфеткой.

Когда мама встает из-за стола за кленовым сиропом, Эллиот наклоняется ко мне и тараторит:

– ОМГ, твой пост ночью был просто сумасшедший! Видела, сколько комментов?

Я демонстративно раскланиваюсь и улыбаюсь, чувствуя себя ужасно глупо от того, что горжусь своим успехом.

– Говорил же, что справишься. А ты чуть было катастрофу не раздула, – самодовольно добавляет Эллиот.

– О какой катастрофе речь? – спрашивает мама, возвратившись к столу.

– Ни о какой, – отрезаю я.

– О «Титанике», – находится Эллиот.

Два часа спустя мы с Эллиотом играем в автоматы на конце причала.

– Не обижайся, – перекрикивает Эллиот пиликанье «одноруких бандитов». – Но в этой глупой игре нет смысла. Совсем.

Я бросаю еще одну монетку и сжимаю ладони, молясь о победе. Поднос с монетками выдвигается вперед, и те, что лежат на краю, вздрагивают, но остаются на месте. Разочарованно вздыхаю.

– Знаешь, эти автоматы совсем как Майспейс и овсянка: от них нет толку!

Я вставляю в прорезь еще одну монетку и мысленно пою «Ла-ла-ла», чтобы заглушить нытье Эллиота. Что ж поделаешь, раз ему так нравится не любить мою любимую игру.

Поднос с монетками медленно выезжает, и кажется, я снова проиграла. Но тут один двухпенсовик падает, а за ним целая лавина монет обрушивается в поддон. От радости я даже хлопаяю в ладоши.

– Получилось! – радостно кричу я и обнимаю Эллиота, чтобы сильнее его раззадорить.

Он хмурит брови, но по искоркам в глазах, спрятанных за очками в красной оправе, я вижу, что он едва сдерживает улыбку.

– Я выиграла! – Собираю монетки из лотка.

– Ты выиграла... – Эллиот смотрит на деньги у меня в руках, – целых двадцать пенсов. На что потратишь такие бешеные деньги?

Наклонив задумчиво голову, отвечаю:

– Для начала обеспечу безбедное существование всем родным и близким, потом куплю себе «мини-купер» с откидным верхом... а на сдачу возьму *чувство юмора для моего друга Эллиота!*

Он делает вид, что хочет меня стукнуть, а я хохочу, ловко уворачиваясь.

– Ладно, пошли в Лейнз, а то не успеем, – предлагаю я.

Лейнз – моя самая любимая часть Брайтона (после моря, конечно). Когда сворачиваешь в этот лабиринт из вымощенных улочек и затейливых магазинчиков, кажется, что тебя перенесло на двести лет в прошлое.

Я засматриваюсь на девушку, идущую нам навстречу: на ней длинный цветастый комбинезон и шляпка трилби янтарного цвета. Выглядит великолепно. Рука тянется к фотоаппарату, но девушка неожиданно исчезает за углом.

– А ты знала, что паб «Дом крикета» раньше назывался «Сляб и рыбный лоток»?

– «Ляг на рыбный лоток»? – Я спускаюсь на грешную землю в недоумении.

– Нет же! «Сляб и рыбный лоток»! Когда здесь была рыбацкая деревушка, «слябом» моряки называли меру, равную десяти тысячам селедок.

– Ну ты точно Вики, – смеюсь я.

Эллиот – ходящая и говорящая Википедия. Не представляю, как он удерживает в голове столько разных фактов. Его мозг как жесткий диск на шесть терабайт (жесткий диск на шесть терабайт – самый большой жесткий диск на сегодняшний день, это тоже Эллиот рассказал).

В кармане вибрирует телефон. Сообщение от Меган. Тут же вспоминается вчерашний поход в «Джи Би», и во рту пересыхает. Как ни странно, эсэмэска очень дружелюбная.

Привет! Все в силе? Хохо

Я совсем забыла о сегодняшнем вечере. В начале недели я, полушутя, предложила Меган устроить пижамную вечеринку, как в старые добрые времена. Захотелось вернуть в нашу дружбу прежнюю открытость и легкость.

– Кто пишет? – спрашивает Эллиот, проходя мимо интересного ювелирного магазинчика. Витрина выпуклая, и кажется, что магазин раздуло от неимоверного количества продающихся там серебряных цепочек, браслетов и колец.

– Меган, – невнятно шепчу я, чтобы Эллиот не услышал.

– Что ей нужно?

Услышал.

– Спрашивала, все ли сегодня в силе.

– А что сегодня будет?

Потупив глаза на мостовую, признаюсь:

– Я пригласила ее на пижамную вечеринку.

– На пижамную вечеринку? Опомнись, ты уже в десятом классе учишься.

– Знаю. Я не думала, что она согласится. – Чувствую, как горят щеки.

– Зачем тогда звала?

– Хотела весело провести время, – отвечаю я, пожимая плечами.

– Да, веселее только с моими родителями весь вечер сидеть, что теперь мне и светит.

– Не обижайся. – Я беру Эллиота под руку. На нем винтажное шерстяное пальто, очень теплое и мягкое на ощупь.

– Не буду, – вздыхает он. – Мне на понедельник надо доделать большую работу по истории, так что лучше останусь дома. Кстати, в этом здании раньше размещался офтальмологический центр Брайтона и Сассекса.

Вот бы все друзья были как Эллиот: он никогда не злится на меня дольше десяти секунд!

Мы проходим мимо кондитерской «Шоккивокидуда». Из нее выходят покупатели, а вместе с ними – и запах теплой выпечки.

– Зайдем в «Тик-Ток» за горячим шоколадом? – У меня еще есть полчаса в запасе.

– Взойдет ли сегодня луна? – театрально произносит Эллиот.

Он открывает дверь и галантно пропускает меня вперед.

В кафе тепло и пахнет сладостями. Здесь продают лучший горячий шоколад в Брайтоне. Уж поверьте нам с Эллиотом, мы это проверили научно-опытным путем. Пока Эллиот выбирает пирожные, я сажусь за столик и пишу ответ Меган:

Да, приходи часов в 8 xP

– ОМГ! У них появились кексы с новым вкусом! – Эллиот округляет глаза. – Клубника с кофе.

– Вау!

– Будешь?

Одобрительно киваю. Я плотно позавтракала, но местечко для кекса всегда найдется.

– Отлично. Тогда я закажу.

Эллиот возвращается к прилавку, а я откидываюсь на спинку стула, наслаждаясь уютной обстановкой. В эту секунду открывается дверь, и в зал входит парень. Я сразу же узнаю в нем старшего брата Олли, Себастьяна. Следом за ним важно входит сам Олли. Я хватаю меню и делаю вид, что внимательно его изучаю. Надеюсь, они меня не заметят и сядут в другом конце кафе. Но тут у меня под ухом раздается звук отодвигаемого стула.

– Пенни! – Рядом садится Олли и улыбается мне своей очаровательной улыбкой.

С другой стороны стола стоит Себастьян и смотрит на меня, как удав на кролика. Себастьян на два года старше меня. Он самый популярный и самый заносчивый парень в одиннадцатых классах. К тому же он лучший теннисист в области. Ходят слухи, что при встрече с Энди Маррейем³ Себастьян посоветовал ему поработать над ударом слева. Охотно верю.

– Что будешь? – резко спрашивает он Олли.

– Молочный коктейль, шоколадный.

– Серьезно? Может, его еще сладким конфетти посыпать?

Олли пристыженно опускает глаза. Раньше я его таким не видела.

Себастьян качает головой и вздыхает:

– Какой же ты еще ребенок.

– Ладно, я возьму кофе, – отвечает покрасневший Олли. Он сейчас такой забитый, что мне его жалко.

Себастьян подходит к прилавку и встает в очередь за Эллиотом. Боюсь представить, что сделает Эллиот, когда увидит, что за наш столик уселся Ходячий Селфи.

– Какая неожиданная встреча, – заговаривает со мной Олли, разматывая шарф. – Каких-нибудь полчаса назад я как раз спрашивал у Меган твой номер телефона.

– Правда? – голос предательски срывается на визг. Прокашлявшись, уточняю:

– А зачем? – Теперь я говорю глубоким мужским басом.

Сгорая от стыда, я смотрю на скатерть и мечтаю, чтобы она превратилась в плащ-невидимку.

– Хотел спросить, сможешь ли ты завтра со мной встретиться.

Я смотрю на Олли, и мне кажется, что я еще не проснулась, а все происходящее – сон. Чтобы убедиться, я щипаю себя за ногу под столом. Слишком сильно.

– Ой!

– Что-то не так? – Олли взволнованно смотрит на меня.

– Ничего, я...

– Тебя как от боли скривило.

– Это... это... – ломаю голову над правдоподобным объяснением. – Меня кто-то укусил.

– Укусил? Кто?

– Ммм... может, блохи?

³ Энди Маррей – британский профессиональный теннисист, олимпийский чемпион.

«*Нет! Нет! Нет!*» – кричит мой внутренний голос.

Олли подается в сторону.

– То есть, это не блохи, – путаюсь я. – У меня нет блох, не подумай. Просто такое же чувство...

Я неловко ерзаю на кресле, и кожаное сиденье издает громкий мерзкий скрип.

– Это не я, это стул! – выпаливаю я. Только мне могло попасться такое идиотское кресло! Я начинаю старательно вертеться на сиденье, пытаюсь повторить звук и снять с себя все подозрения. Естественно, нарочно такое сделать невозможно.

Олли во все глаза глядит на меня, а потом... принимаются. Серьезно, принимаются и морщит нос! Он думает, что я испортила воздух. Мало того – я еще и блохастая! Я молюсь, чтобы на кафе упал метеорит или напали зомби – что угодно, что вытеснило бы из памяти Олли последние пять минут жизни.

– Ого! Ничего себе, сколько времени! – восклицаю я, даже не посмотрев на часы или мобильник. – Мне пора. Опаздываю на работу. – Я вскакиваю и чуть не переворачиваю стул.

– Но что насчет завтра?

– Да, конечно. Эсэмэсни мне попозже. – Бинго! Мне удалось выдать вменяемый ответ. Я хватаю наши с Эллиотом пальто, но наступаю на шарф, поскользываюсь и налетаю на официантку с подносом румяных булочек в руках.

Поднос со звоном падает на пол, и в кафе повисает тишина. Я чувствую, что на меня смотрят абсолютно все. Чудом ни во что не врезавшись, я подбегаю к Эллиоту.

– Срочно уходим, – шепчу ему в самое ухо.

– Почему? А что с заказом делать?

– Попроси завернуть с собой и приноси в агентство. Случилось кое-что страшное. Я побежала.

Я вкладываю ему в руки пальто и пулей вылетаю на улицу.

Глава четвертая

Щеки у меня еще часа два не могут остыть. А Эллиот в восторге от случившегося и считает, что мне стоило сказать «Уф, полегчало!» после того, как стул издал неприличный звук. Легко ему смеяться! Сегодня я почти договорилась о встрече с парнем, от которого без ума. Почти. Могу поспорить, что я первая девушка во «Всемирной истории свиданий», которая на предложение парня увидеться ответила, что у нее блохи, и пукнула. Ну, или издала похожий звук. Хуже не придумаешь!

Я сижу за столом для оформления заказов в агентстве «Вместе навсегда» и наблюдаю за Андреа у стойки с платьями. Она помогает молодой девушке сделать выбор между «Свадьбой Барби» и «Свадьбой Золушки». Будущий жених сидит в кресле в углу салона, куда он с угрюмым видом забился, узнав, что мы не проводим свадьбы в стиле «Формулы-1». За окном начинает темнеть, хотя еще только три часа. По улице снуют кутающиеся от ветра прохожие с мрачными лицами. Хорошо, что мне есть, где укрыться, пусть для этого и приходится работать. Честно сказать, мама так обставила агентство, что язык не поворачивается назвать его рабочим местом. Зайдя сюда, переносишься в сказочный мир: мигают гирлянды, горят аромасвечи, играет музыка. Наверное, в Брайтоне, да и во всем Соединенном Королевстве, не найдется другого магазина, в котором бы звучала музыка из старого граммофона. Звук скользящей по виниловой пластинке иголки усиливает атмосферу романтики, тем более, что проигрывает граммофон душевные песни о любви. Когда выходишь из «Вместе навсегда», в груди разливается теплое радостное чувство. Если, конечно, пару часов назад ты не сказала парню, по которому вздыхала шесть лет, что у тебя блохи.

Чтобы отвлечься от мыслей о блошино-сортирном позоре, я решаю проверить витрину. Каждые несколько недель мама переодевает манекены в соответствии с новой свадебной программой. Вдохновившись «Аббатством Даунтон», мама выставила на витрину белое кружевное платье с длинными рукавами и высоким воротом, немного напоминающее блузу. Я замечаю, что брошка на воротнике съехала в сторону, и забираюсь к манекену, чтобы ее поправить. Когда я поворачиваюсь, чтобы спуститься, то замечаю на улице мужчину и женщину, внимательно разглядывающих наряд невесты. Не знаю, о чем они говорят, но по губам женщины я ясно читаю «О боже мой!».

Я иду обратно к столу, а в это время звонит дверной колокольчик, и в зал входит та самая пара.

– Красивее платья я не видела! – восклицает девушка. Американка, судя по акценту.

– Здравствуйте! Чем могу вам помочь? – спрашиваю я с улыбкой.

Они улыбаются мне в ответ ровными и белыми, как клавиши фортепиано, зубами.

– Мы хотели узнать, проводите ли вы свадьбы за рубежом, – отвечает мужчина.

Они подходят к столу, и я ощущаю запах мужского лосьона после бритья. Когда Том собирается на вечеринку, от него пахнет дешевым одеколоном, а этот аромат пряный и утонченный. Дорогой.

– Ну, я не знаю наверняка, – бормочу я.

Маме доводилось организовывать свадьбы за границей, но только для друзей. Чтобы не потерять потенциального клиента, я продолжаю:

– Вы уже планировали свадьбу?

– Мы женимся в канун Рождества.

Видимо, заметив удивление на моем лице, мужчина уточняет:

– Да, этого Рождества. Чуть больше недели осталось. И как раз сегодня утром мы узнали, что у нашего свадебного агента изменились планы...

– Он сбежал с невестой, для которой накануне проводил свадьбу! – восклицает женщина.

Я едва сдерживаю улыбку, предвкушая, как эта история понравится Эллиоту и Тому.

– Какой ужас, – вздыхаю я.

– Да, я очень волнуюсь, – продолжает женщина. – Мы сейчас по делам в Англии, а значит, не можем встретиться ни с одним организатором из Америки.

– Мы даже хотели все отменить, – добавляет мужчина.

– А потом увидели вашу чудесную витрину, – продолжает женщина. – Я так люблю «Аббатство Даунтон»! У нас в Америке его все смотрят.

– Вот мы и решили узнать, не согласитесь ли вы нам сделать свадьбу? – спрашивает мужчина.

– Будет так необычно! – вторит его невеста.

Развалившийся в кресле парень что-то бурчит.

– Конечно, – немедленно соглашаюсь я. – Это агентство моей мамы, но ее сегодня нет. Давайте я запишу ваши контактные данные, и она вам перезвонит, как сможет.

– Договорились. Меня зовут Джим Брейди. – Мужчина протягивает мне визитку с выгравированным именем. На ощупь она плотная и гладкая, как шелк.

– А я – Синди Джонсон, ну, уже почти Брейди, – говорит женщина, отдавая мне свою визитку, на вид не менее дорогую, чем у ее жениха.

– Зал для церемонии мы уже заказали, так что вам нужно будет только его оформить, – уточняет Джим.

– Свадьба будет в Уолдорф-Астории, в Нью-Йорке, – добавляет Синди. И судя по ее многозначительному взгляду, место это неплохое.

– Здорово, – отвечаю с улыбкой.

– Ах, у вас, англичан, такое чудное произношение, – умиляется Синди. – Дорогой, раз мы делаем свадьбу в стиле «Аббатства Даунтон», давай произнесем клятвенные речи на британский манер? Прелестно будет, правда? – Второй вопрос она обращает ко мне.

– Да, прелестно, – я киваю и улыбаюсь.

Хмурый жених в кресле перехватывает мой взгляд и закатывает глаза к потолку.

– Почему цыпленок шел на север, но извивался в грязи и изменил направление на юг? – набрасывается на меня папа, едва я успеваю войти в гостиную.

Они с Томом развалились на угловом диване и уминают попкорн из глубокой тарелки. На экране телевизора мелькают футболисты. Папа и Том всегда проводят так время, если остаются одни дома.

– Только не спрашивай его почему, – умоляет Том. – До конца своих дней будешь жалеть, что узнала ответ.

– Не будет, – молниеносно отвечает папа. – У Пен такое же отменное чувство юмора, как у меня. Хотя бы одному отпрыску оно передалось.

Папа прав. Я его чувство юмора разделяю, но сомневаюсь, что его можно назвать отменным.

– Так почему же цыпленок шел на север, но извивался в грязи и изменил направление на юг? – спрашиваю я папу, загребая горсть попкорна.

– О неест, – стонет Том, пряча голову под подушку.

– Потому что он – грязный изменник!

Мы с папой смотрим друг на друга и прыскаем со смеху. Том жалобно хнычет из-под подушки.

– Как дела в агентстве? – спрашивает папа, просмеявшись.

– Как обычно, – отвечаю я и замечаю, что папа погрузился. Люди предпочитают играть свадьбы летом, в холодное время года обычно затишье, но этой зимой дела в агентстве идут совсем плохо.

– Ой, забыла сказать про парочку из Америки. Они хотят пожениться в Нью-Йорке. Серьезно настроены.

– Правда? – удивляется папа.

– Да, они хотят торжество в духе «Аббатства Даунтон». Но им все надо суперсрочно организовать. Их предыдущий агент сбежал с чужой невестой со свадьбы, которую он и проводил. Теперь очередь Тома заходиться со смеху.

– Над чем это вы так хохочете? – заходит мама, снимая пальто.

– Почему цыпленок шел на север, но извалялся в грязи... – начинает было папа.

– Нет! – выкрикивает Том. – Вот тебе шутка: почему американская пара отменяет свадьбу?

Мама смотрит на нас как на ненормальных. Она часто так на нас смотрит.

– Потому что их свадебный агент сбежал с невестой, чью свадьбу проводил! – Том опять покатывается со смеху.

Мама садится рядом со мной и недоуменно спрашивает:

– О чем это он?

Я рассказываю ей про Синди и Джима, добавляя в конце, что они будут играть свадьбу в Уолдорф-Астории.

При упоминании этого места у мамы и папы одновременно вытягиваются лица.

– Уолдорф-Астория... – мечтательно произносит папа.

– В Нью-Йорке... – мурлычет мама.

– Вот их визитки. – Я протягиваю маме карточки Синди и Джима. – Они просили перезвонить, как только сможешь. Я знаю, мы свадьбы за границей не проводим, но лучше ты это сама скажи. Ничего, что я им не отказала?

Мама с папой переглядываются и расплываются в улыбках.

– Ты все правильно сделала, Пен. – Мама притягивает меня к себе.

Родители начинают радостно обсуждать Уолдорф-Асторию, а мой телефон пищит. Сообщение от Эллиота:

ОМГ, папа только что спросил, есть ли у меня девушка!!!

Может, попросить девчонок из команды построиться словом «гей», чтобы ясно стало?

Веселого вечера с Мега-стервой:Р

Я быстро печатаю ответ:

Ага, или на кексе из «Шоккивоккидуда» глазурию написать.

Спасибо за пожелание...;) Рххх

Я отправляю сообщение, и телефон снова подает голос. На этот раз пришла эсэмэска с незнакомого номера.

Привет, Пен! Встретимся завтра у «Счастливого пляжа»? Часов в 12?

Можно пообедать...

Олли х

Глазам своим не верю. Меня, самую неуклюжую девушку во Вселенной, у которой, возможно, проблемы с блохами и газами, Олли зовет на ланч! В настоящий ресторан! С ума сойти... Похоже, у меня будет свидание!

Глава пятая

Если в мире и есть что-то, способное стереть с лица улыбку счастья от будущего свидания, так это гримаса лучшей подруги, которая сидит рядом на кровати, смотрит в пустоту стеклянными глазами и вот-вот упадет замертво от скуки.

Меган пришла только двадцать минут назад, но кажется, что прошло двадцать дней, не меньше. Я пытаюсь ее как-то занять, но на все мои предложения она или пожимает плечами, или цедит сквозь зубы «чего-то не хочется». Не понимаю, зачем она пришла. Чтобы сидеть и дуться? И тут я догадываюсь! Меган мне мстит за то, что произошло вчера в «Джи Би». Наверное, все еще сердится из-за сломанного ногтя. И о чем я думала, когда ее приглашала? Я вздыхаю про себя. Как глупо было надеяться, что эта пижамная вечеринка будет такой же веселой, как в старые добрые времена.

Мы с Меган дружим со средней школы. Все началось, когда первого сентября учительница посадила нас за одну парту. Честно сказать, поначалу я с ней общалась от страха: я все лето переживала, что приду в новый класс, и никто не захочет со мной дружить, что целых СЕМЬ ЛЕТ я буду одиноко ходить по школьным коридорам. Но очень скоро наша дружба превратилась из вынужденной в настоящую.

Мое самое приятное воспоминание о нашей былой дружбе связано с едва ли не самым печальным событием в моей жизни. Когда нам было по двенадцать, у меня умер пес Мило. Меган пришла ко мне в гости с целым пакетом конфет и безделушек, прочитала мне стих про Мило «Маленькие лапки», который сама написала, и подарила рамку с фотографией, на которой я бегаю за Мило по парку. Раньше Меган была внимательной и доброй. Но потом она подалась в актрисы и очень изменилась. Особенно после того, как получила роль на телевидении. Откровенно говоря, это и ролью не назовешь. В короткой рекламе фирмы «Глю Стик» Меган намазывает клеем-карандашом две картонки, соединяет их и говорит: «Вау, как клейко!» Меган показывают каких-нибудь пять секунд, но она все представляет так, будто сыграла главную роль в полнометражном фильме. После этого дебюта она стала ставить себя выше других. И выше меня. Каждая наша встреча превращается для меня в кастинг на роль лучшей подруги: я все время боюсь, что скажу или сделаю что-то не так. Как говорится – «вот и сейчас...»

– Ну... Чем хочешь заняться?

– Без понятия, – бурчит Меган в ответ и обводит взглядом мою комнату. – Господи! Зачем ты сфотографировала камень?

От слов Меган что-то внутри неприятно сжимается. На фотографии – белоснежный камень с тремя дырочками. Эллиот говорит, что такие камешки приносят удачу.

– Это – куриный бог. Ну, счастливый камень, – объясняю я.

– С чего ты взяла? – Меган с усмешкой смотрит на фото.

– Потому что он с дырочкой. Рыбаки всегда брали с собой такие камни-амулеты, на счастье.

Меган снисходительно улыбается.

– Ты такая... необычная, Пенни.

Чаще всего «необычная» – своего рода комплимент. Но из уст Меган это слово звучит как оскорбление. Мне даже хочется ее толкнуть за такое. Сжав покрепче подушку, я вздыхаю. Если это будет длиться всю ночь, я до утра не доживу. Надо спасать положение.

– Может, маски сделаем? – с надеждой спрашиваю я. – У меня еще остались те пилинги с клубничным запахом, помнишь?

– Нет, не стоит. – Меган качает головой.

Я смотрю на стену и думаю, что там, в паре метрах от меня, сидит на кровати Эллиот. Он так близко, а я даже не могу с ним поболтать из-за этой адски неудачной пижамной вечеринки.

В который раз собираюсь спросить Меган, чем бы она хотела заняться, как вдруг она скидывает тапочки и забирается на кровать.

– Что с тобой вчера в кафе стряслось? – спрашивает Меган, специально разглядывая сломанный ноготь. – Ты так странно себя вела.

Я собираюсь что-нибудь выдумать, но вспоминаю вчерашний пост в блоге и теплую реакцию подписчиков на мою откровенность. Я не рассказывала Меган о панических атаках. Может, если попробую, то это нас сблизит? Набрав полную грудь воздуха, я начинаю:

– Ты знаешь, что мы с родителями недавно попали в аварию?

Меган смотрит на меня непонимающе:

– Да, а что?

– С тех пор меня мучают панические атаки. Я будто снова переживаю это все. Мне становится жарко, трудно дышать и...

– Господи, не тебе мне рассказывать, что такое паника! – перебивает Меган. – До школьной пьесы осталось два дня, и я очень волнуюсь, что все испорчу.

– Ничего ты не испортишь. Ты играешь лучше всех.

– Честно? – Меган прищуривает глаза цвета горького шоколада. – Представляешь, как мне тяжело: успех всего представления лежит на моих плечах. Джеф говорит, что я совсем как Анджелины Джоли в молодости. Только я от его слов еще больше трясусь.

– Не переживай. Я уверена, все будет хорошо, – отвечаю я, чувствуя одновременно разочарование и злость. Я хотела поделиться с Меган самым сокровенным, а она опять весь разговор свела к себе, любимой.

– Я так рада, что мы с Олли чувствуем друг друга без слов! Джефф говорит, что мы как Анджелины Джоли и Бред Питт в том фильме, где они снимались вместе. Ну, в том, после которого они встречаться начали. – Меган одаривает меня еще одной милой улыбкой. – Знаешь, Олли мне все-все рассказывает.

От ее слов мне становится дурно.

– Значит, ты и про завтра знаешь?

– А что будет завтра?

Густо покраснев, я отвечаю:

– Олли позвал меня на ланч.

На лице Меган отражается усердная работа мысли. Похоже, о нашем свидании она не знала. Значит, Олли ей рассказывает далеко не все.

– Это *он* тебя позвал? Куда? – Меган продолжает улыбаться, но кажется, что от напряжения она сейчас вывихнет челюсть.

– На «Счастливого пляж», в полдень.

– Да ладно? Хочет пообедать... с тобой?

Шокированное выражение лица Меган и тон, с которым она произносит это «с тобой?», выводят меня из себя. Я понимаю, что мы с Олли стоим на разных уровнях в негласном школьном ранге красоты и успеха, но мне казалось, что лучшая подруга должна порадоваться за тебя, а не пялиться, как золотая рыбка в аквариуме.

– Тебе нравится Олли? – Вопрос вырывается раньше, чем я успеваю его обдумать.

– Конечно, нравится, – сухо отвечает Меган.

– Я имею в виду – как парень?

Меган запрокидывает голову и наигранно смеется.

– Нет, конечно нет. Он для меня слишком маленький.

Я смотрю на Меган и думаю: «Что же ты за штука на самом деле? Мы с тобой столько лет были не разлей вода, а теперь мне кажется, что я тебя совсем не знаю».

Глава шестая

Если в книге рекордов Гиннеса захотят описать худшую в мире пижамную вечеринку, пускай обратятся ко мне. Кроме шуток.

Я просыпаюсь затемно (не лучшее начало воскресенья), валяюсь в постели и пытаюсь телепатически вызвать Эллиота. Когда мы были маленькими, то всегда надеялись увидеть один и тот же сон. Нам казалось, что раз мы спим через стенку, то если сильно захотеть, можно попасть в одно опустившееся над домом сонное облако. Сейчас я мысленно телеграфирую Эллиоту, что у меня была самая ужасная в жизни ночь.

Меган крепко спит на кушетке у противоположной стены. Я смотрю на нее, и в голову само собой приходит новое название для поста в блоге: «Можно ли вырасти из дружбы?». Я ужасно злюсь. Самое обидное, что в таком состоянии я ничего не могу писать. Однажды, прямо посреди контрольной по алгебре, у меня появилась чудесная идея для блога, и в ту секунду мне казалось, что это будет мой самый веселый и интересный пост. Я придумала отличный заголовок, несколько удачных шуток... Но потом идея утонула в море уравнений, и когда я вышла из класса, у меня перед глазами стояли только две буквы: «у» и «х». До сих пор не могу вспомнить, что за пост я тогда нафантазировала. Чтобы не упустить новую идею, я беру телефон с прикроватной тумбочки и залезаю под одеяло. Я выставила беззвучный режим, когда мы пошли спать всего-то в половине двенадцатого!

Около полуночи мне написал Эллиот:

Как вы там с Мега-занудой? Не хватает меня?

Глаза б мои этого проекта не видели, хоть карандашом их выколи.

Ну кому охота слушать про законы о зерне и кукурузе?

Пишу ответ:

А зачем кукурузе законы? Пижамная вечеринка – ПРОВАЛ!

Мы уже спали, когда от тебя сообщение пришло.

Придумала отличный закон о кукурузе: к каждому горячему блюду подавать вареный початок со сливочным маслом.

СКУЧАЮ!!!

Отсылаю эсэмэс и почти сразу же слышу легкое постукивание по стене: один удар, потом четыре, потом пять. «Я тебя люблю» по-нашему. Я хочу ответить, но тут раздается ворчание Меган:

– Что это за стук?

– Не знаю, – вру я.

– Это тот сосед?

Меган сотни раз видела Эллиота, она наверняка знает его имя. Из-за этой выходки я уже не просто злюсь – я начинаю ее ненавидеть.

– Не понимаю, чего ты с ним общаешься, – продолжает Меган. – Он же придурок.

С трудом сдерживаюсь, чтобы не вскочить с кровати и не огреть ее подушкой по голове.

– Можно мне кофе? – спрашивает Меган.

– Да, – отвечаю я, несмотря на то, что она только что оскорбила моего лучшего друга, испортила вчерашний вечер, и теперь мне хочется придушить ее подушкой. Я так рада возможности сбежать от Меган на несколько минут, что мгновенно выпрыгиваю из постели и надеваю халат.

На кухне сидит папа, читает газету и прихлебывает чай. Он – ранняя пташка, как и я. У папы взъерошенные после сна волосы и серые от щетины щеки.

– Привет, – встречает он меня. – Как там пижамная вечеринка?

Я многозначительно поднимаю брови.

– Ха, настолько хорошо?

Я киваю и включаю чайник. Пару недель назад, когда мы вместе готовили спагетти, я пожаловалась папе, что у нас с Меган не ладится.

– Пап?

– Да?

– Как думаешь, а из дружбы можно вырасти?

Он с улыбкой кивает головой.

– О да, со мной такое не раз бывало. Особенно в твоём возрасте, когда так сильно меняешься. – Он жестом приглашает меня сесть рядом.

– Я тебе когда-нибудь рассказывал о Тимоти Тейлоре?

Я качаю головой.

– Мы с ним были лучшие друзья в младших классах, не разлей вода. Но когда перешли в пятый, он так изменился, что я перестал с ним общаться.

– Почему? Что он сделал?

– Начал играть в регби. – Папа у нас футбольный болельщик до мозга костей и понять не может тех, кому нравится регби.

– А если честно, – продолжает папа, – не только из-за этого. Еще Тимоти начал зазнаваться. И у нас пропали общие интересы.

– Вы поругались?

– Нет, просто постепенно перестали общаться. И оба нашли новых, близких по духу друзей. Так что не переживай за Ее Величество. У тебя все будет хорошо, просто надо научиться отпускать людей.

– Спасибо, пап. – Я встаю и целую его в макушку.

– Не за что! – смеется он. – Кто бы мог подумать, что в такую рань, без кофе, я могу давать мудрые советы.

Когда я возвращаюсь в комнату, то застаю Меган полностью одетой. Радуюсь про себя, ведь это значит, что она скоро уйдет.

– Твой кофе. – Я протягиваю ей чашку, но не получаю благодарности. Вместо «спасибо» Меган спрашивает:

– Решила, в чем пойдешь на ланч?

Смотрю на Меган и не сразу понимаю, о чем она. Я так расстроилась из-за этой чертовой пижамной вечеринки, что о свидании и думать забыла.

– На твоём месте я бы надела что-нибудь повседневное. А то подумает, что ты специально наряжалась. Я могу дать худи, но цвет тебе не пойдет.

Она делает глоток кофе и слащаво улыбается.

– Бедняга, не повезло тебе с рыжими волосами: ничего с ними не сочетается, да?

В эту секунду я понимаю, что если я хочу насладиться утром и подготовкой к свиданию с Олли, Меган надо спровадить. Сейчас же.

– Мне так жаль, но папа только что попросил меня кое с чем помочь в агентстве.

– В воскресенье утром?

– Да. Боюсь, тебе пора.

– Ой, а я хотела помочь тебе собраться. – Меган, похоже, и вправду расстроена.

Я выдавливаю улыбку.

– Не переживай, я справлюсь.

– Точно?

– Абсолютно.

Но когда дело доходит до реальных сборов, справиться оказывается не так просто. Меган ушла полчаса назад, а у меня в комнате словно взорвалась бомба из тряпья. Я так неистово срывала и надевала и снова срывала одежду, что каждый сантиметр пространства занят какой-нибудь вещью. Я смотрю на безвольно болтающиеся на люстре полосатые колготки и выдыхаю сакраментальное: «Мне нечего надеть!»

Для кого-то такая проблема – повод написать в журнальную рубрику «Вопросы стилисту». Но я в подобных случаях зову Эллиота. Правда, сомневаюсь, что он захочет мне помогать в этот раз, когда я наряжаюсь для Олли. Я расхаживаю по комнате и громко вздыхаю. Даже вид моря на горизонте меня не успокаивает. Какое там! У меня на берегу этого моря через час встреча, а я до сих пор в одном белье.

Потом я спрашиваю себя: «*А в чем бы было комфортно тебе?*» Я перерываю кучу одежды рядом с креслом-качалкой и вытаскиваю черное коктейльное платье в мелкое фиолетовое сердечко. Натянув его с плотными черными колготками, я смотрюсь в зеркало: платье сидит как влитое и подчеркивает талию. Я уже собираюсь надеть балетки, как снова в моей голове звучит вопрос «*А в чем бы было комфортно тебе?*» И достаю глубоко спрятанные в шкафу байкерские сапоги, а потом накидываю черную кожаную куртку.

Камера словно кричит: «Не забудь меня!», и я кладу ее в карман. Давным-давно я поняла, что без фотоаппарата из дома выходить нельзя. Если забываю его, то обязательно попадетсЯ отменный кадр. А кто знает, какое фото мне представится сделать с Олли... Я заливаюсь краской, воображая, как он просит сфотографировать нас вдвоем. Я, конечно, ненавижу селфи, но от одного с Олли не откажусь... Да, возможно, я немного забегаю вперед, но разве нельзя чуть-чуть пофантазировать перед свиданием с парнем моей мечты?

Глава седьмая

Когда я подхожу к пляжу, моя вновь обретенная уверенность начинает улетучиваться. Внутренний голос твердит: *«А что, если он не придет? Что, если это розыгрыш? Что, если я упаду в тот момент, когда он захочет меня поцеловать? Боже мой! Что, если он захочет меня поцеловать? Нет, наивная какая, не захочет он с тобой целоваться»*. Я продолжаю спорить сама с собой, и в моем внутреннем голосе уже появляются истерические нотки.

Я решаю пройти к кафе по берегу, надеясь, что близость моря меня немного успокоит. *«Галька мокрая! Ты упадешь! Вот упадешь, а потом будешь с водорослями на попе ходить. Или забыла, как шлепнулась у Тома на барбекю?»* – не унимается внутренний голос. Я замедляю шаг. Спокойное море сияет в лучах зимнего солнца. Я глубоко вдыхаю соленый воздух. Еще и еще. *«А если тебе на голову чайка нагадит?»* – проносится у меня в голове.

– Да заткнись ты! – вслух ругаюсь я на внутренний голос и запрокидываю голову – убедиться, что надо мной не летают чайки.

Опустив взгляд, я замечаю Олли в нескольких шагах от меня.

– Как ты сюда попал? – Первый вопрос, который приходит мне в голову.

– Пришел. Пешком, – отвечает Олли, подозрительно глядя на меня. – Ты в норме? Мне показалось, что ты разговариваешь сама с собой.

– Разговариваю? Нет, я... Я тут пела.

– Пела?

– Ну да, пела. Это когда не просто разговаривают, а с мелодией.

– Я понимаю, что значит «пела».

– Ну конечно, пардоньте.

«Пардоньте»? С каких это пор я так выражаюсь? Мы общаемся всего десять секунд, а он наверняка уже решил, что у меня не все дома. Такими темпами ланча с ним мне не видать.

– У тебя с собой фотоаппарат?

– Да. А что? – спрашиваю я. Сердце начинает бешено колотиться. Неужели он уже хочет сделать наше общее фото?

– Можешь пофотографировать меня на пляже? Парочку фото для моего актерского портфолио на сайте нужно сделать. Ты ведь у нас такой хороший фотограф. – Олли одаривает меня ослепительной улыбкой.

– Ясно, конечно. – Не знаю, как это понимать. Не может же быть, чтобы он позвал меня на встречу только ради этого? Нет, я точно помню, что он говорил про ланч. Наверное, про фотографии он между делом придумал. Я отбрасываю сомнения и достаю камеру.

– Поснимаешь немного на причале?

– Хорошо, пойдем.

Бегущая вдоль берега девушка-спортсменка расплывается в улыбке, заметив нас. Какое приятное чувство! Должно быть, мы с Олли выглядим как влюбленная пара. Только вот я слишком взволнована, чтобы насладиться моментом. И все силы идут на то, чтобы придумать интересную, не компрометирующую меня тему для разговора.

– Ты, наверное, гордишься братом?

– В смысле? – Олли недоуменно поднимает на меня глаза.

– Ну, он же успешный теннисист.

Олли бормочет себе что-то под нос и смотрит на воду. У него задумчивый вид, а падающий на лицо свет подчеркивает скулы – идеальный черно-белый кадр.

– Стой, не двигайся, – выпаливаю я, включая фотоаппарат.

– Что? – хмурится Олли.

– Повернись к морю и сделай лицо, как было. Стильное фото получится.

– Ясно, – тут же оттаивает Олли и поворачивает голову. – Так пойдет?

– Идеально.

Я приближаю изображение, подбираю угол, чтобы правильно падал свет, и фотографирую.

– Можно гляну? – Олли наклоняется посмотреть фотографию и едва не касается моей щеки. От него пахнет мятой и лосьоном после бритья. Сердце начинает неистово колотиться.

– Здорово получилось, – говорит с улыбкой Олли. Когда он стоит так близко, его глаза кажутся бездонно голубыми. В голове проносится мысль, что если Олли захочет меня поцеловать, ему будет достаточно наклонить голову. Мы смотрим друг другу в глаза еще секунду.

– Ты классный фотограф. – Голос Олли звучит по-особому нежно.

– Спасибо.

Я смущенно опускаю голову. Все. Момент упущен.

Мы идем вдоль кромки воды. Еще двое спортсменов пробегают мимо, шурша галькой.

– А можешь сделать фото, если я лягу на берегу? У меня таких кадров еще нет.

– Давай.

Я сразу представляю, как мы с Олли лежим в обнимку и смотрим на море. Чувствую, как пылают щеки.

Олли опускается на камни.

– Что, если снять «вид сверху»?

– Да, интересная идея, – я встаю рядом и смотрю в камеру. Кадр получается не очень, надо центрировать.

– Чтобы хорошо смотрелось, мне надо встать над тобой, – объясняю я.

Олли мне так улыбается, что по спине пробегает приятный холодок. Я аккуратно переступаю через лежащего на гальке Олли и теперь стою над ним, широко расставив ноги. Смотрю в объектив: у Олли улыбка до ушей.

– Чур под платье не глядеть, – шучу я.

– Уже, – смеется Олли.

Мне начинает казаться, что случилось невозможное: я флиртую с парнем, не выставляя себя на посмешище.

Но как раз, когда я собираюсь сделать кадр «с высоты птичьего полета», галька уходит из-под ног. Я пытаюсь удержаться, но ноги разъезжаются в разные стороны, и через мгновение я уже сижу у Олли на животе.

– Извини. Пожалуйста, – выдыхаю я, пытаюсь подняться.

Олли придерживает меня за руку и смеется:

– Не извиняйся. Это так неожиданно! Ты сама внезапность.

Я внимательно всматриваюсь в его лицо. Олли произносит эти слова не с той интонацией, с которой Меган назвала меня «необычной». Он говорит так, будто я ему нравлюсь.

– Спасибо, – кокетливо отвечаю я.

– Господи! Что вы тут творите?

Мы оба подсакиваем, услышав голос Меган. Она стоит в нескольких шагах позади нас с выпученными глазами. А рядом – двойняшки, улыбаются от уха до уха.

– Я... я... я Олли фоткала, – начинаю заикаться я, сделавшись краснее лондонского почтового ящика. – А потом подскользнулась.

– Ну да. – Меган продолжает сверлить меня взглядом. Я замечаю, что она переделалась: уходила от меня в джинсах и худи, а сейчас на ней облегающее фиолетовое платье и высокие сапоги.

Мне чудом удастся встать с Олли, не покалечив ни его, ни себя.

– А с чего вы вдруг *гуляете*? – спрашивает Меган, глядя на Олли. – Я думала, вы собирались вместе пообедать.

– Но как... – Олли кажется растерянным. – Я просто хотел попросить Пенни сделать пару снимков для моего онлайн-портфолио. Ничего серьезного.

Теперь моя очередь тушеваться под взглядом Меган. Она смотрит на меня с улыбкой победителя, будто говорит: «Я же сказала, что это не свидание».

– У тебя получаются такие красивые фото, – хвалит меня Кира.

– Да, – поддакивает Амара. – Мне понравился снимок пирса, который ты сделала для своего творческого проекта.

Я вяло улыбаюсь на их похвалы.

– А куда собираетесь пойти на ланч? – интересуется Меган.

Олли пожимает плечами.

– Честно говоря, пока не думал об этом.

Я ничего не понимаю.

– А мы как раз шли в «Нандос», – щебечет Меган. – Не хотите присоединиться?

Секунду подумав, Олли соглашается.

К горлу подступает комок, и я со злобой пинаю камни.

Один из них взлетает в воздух, и я с замиранием смотрю, как он ударяет пробегающего вест-хайланд-терьера. Собачка скулит от боли, а ее хозяин, пожилой мужчина с невероятно густыми бровями, строго смотрит на меня.

– Простите, пожалуйста! Я не специально, – кричу я ему. Так и хочется добавить: «Мне по жизни не везет». Я даже разозлиться по-человечески не могу – тут же попадаю в неприятную ситуацию.

– Пенни-Пенни, – отчитывает меня Меган, словно она моя мама. – Песику же больно!

– Думаю, мне лучше вернуться домой, – заявляю я, едва сдерживаясь, чтобы не запустить камнем и в Меган тоже.

– Неужели? – Меган с трудом скрывает свое ликование.

– А что с моими фото? – расстроено спрашивает Олли.

– По почте скину, – отвечаю я, не поднимая глаз на Олли, да и не хочется.

– Ладно, увидимся завтра в школе, – беззаботно прощается Меган.

– Пока, – хором выдают двойняшки.

Закусив губу, я быстрым шагом удаляюсь прочь. Не знаю, от чего на душе так плохо: от злости или от стыда. Но одно я знаю точно наверняка: нашей с Меган дружбе – конец.

Глава восьмая

– Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста! Пообещай, что выслушаешь меня от начала и до конца со спокойным лицом и без твоих язвительных замечаний! – умоляю я Эллиота, которого позвала, как только пришла домой, постучав в стену десять раз (это наш код для экстренных случаев).

Эллиот откидывается на спинку кресла-качалки и с задумчивым видом потирает подбородок.

– А в твоей истории будут Мега-скучнящая и Ходячий Селфи?

– Будут, но не говори о них ничего плохого, пока я не закончу. И фраза «Я же тебе говорил» тоже под запретом.

– Навсегда под запретом, или только пока ты рассказываешь, что случилось? – с ужасом на лице спрашивает Эллиот.

– Навсегда.

Эллиот вздыхает:

– Постараюсь, но мне может понадобится кляп.

– Ну хватит!

– Ладно, ладно. Рот на замке.

Я сижу по-турецки и, уставившись в одеяло, пересказываю свою грустную историю, начиная от худшей в мире пижамной вечеринки и заканчивая убийственной фразой Олли про то, что наша встреча – это «ничего серьезного».

– *Ничего серьезного?* – повторяет Эллиот, когда я замолкаю. – Я же...

– Нет! Не говори этого! – кричу я, закрывая уши. – До сих пор не могу поверить, что я и правда думала, будто это свидание.

– Как же я зол на Мега-шлюпку! – взрывается Эллиот.

– Шлюпку?

Эллиот кивает.

– Шекспир придумал называть женщин легкого поведения «шлюпками».

– О. Теперь ясно...

– Какая же она дешевка, – говорит Эллиот с отвращением. – Поверить не могу, что она сорвала твой ланч с Олли. Я же тебе...

– Эллиот!

– Все, все. – Он поднимает руки в успокаивающем жесте. – Я знаю, что тебе делать. – Эллиот злорадно улыбается. – Надо Ходячему Селфи нарисовать в фотошопе прыщи и какую-нибудь мерзкую сыпь. Или огромный шинобель вместо его аристократичного носа...

Мне хочется обнять Эллиота и сказать «спасибо», но тут раздается звук, который ни с чем не перепутать: удар в гонг.

– О! – Эллиот вскакивает из кресла и в восторге хлопает в ладоши. – Семейный совет!

У нас в доме полно театрального реквизита, который мама забрала на память о пьесах. Например, большой медный гонг, который стоит в гостиной. Когда мы с Томом были детьми, то все время били в него по поводу и без. Тогда мама с папой придумали правило: звонить в гонг только для созыва «семейного совета».

Я слезаю с постели, смеясь над светящимся от предвкушения лицом Эллиота:

– Наверняка какая-нибудь нудятина: будем решать, кто хочет индейку на рождественский ужин.

– Зачем это обсуждать? Все на Рождество едят индейку.

– Да, но папа говорил, что хочет в этот раз зажарить гуся.

– Зажарить гуся это кошунство!

– Почему?

– Не знаю. Кошунство и все.

Я выхожу на лестницу, Эллиот идет следом.

– *Рикао сам ти*, – раздается шепот у меня над ухом.

– Что это значит?

– «Я же тебе говорил» на хорватском. Ты же не запрещаешь мне говорить эту фразу на хорватском, – объясняет Эллиот и взвизгивает, получив от меня локтем в живот.

– Мы будем индейку! – заявляет Эллиот, входя на кухню.

Том, мама и папа сидят за столом. Родители светятся от счастья. Том полулежит на столе, подпирая голову руками.

– Индейку?

– Да, на рождественский ужин. Мы хотим индейку, а не гуся. Собрание ведь по поводу рождественского ужина, да?

– Нет, не совсем. Хотя в какой-то мере – да. – Папа смотрит на маму и многозначительно поднимает бровь.

Она коротко кивает, потом поворачивается к Эллиоту и с грустной улыбкой говорит:

– К сожалению, Эллиот, ты не сможешь прийти на наш традиционный рождественский ужин.

– Что?! – хором выкрикиваем мы с ним.

– Нас не будет дома, – объясняет мама.

– Что? – опять вместе спрашиваем мы. На этот раз нам вторит и Том.

– Что значит «нас дома не будет»? – переспрашивает он.

– А где мы тогда будем? – Я перевожу взгляд с мамы на папу.

– В Нью-Йорке, – отвечают родители, весело улыбаясь.

– Ничего себе! – восклицает Том, но совсем не радостно.

У меня нет слов, а Эллиот того гляди заплачет.

– Мы согласились организовать ту свадьбу, – поясняет мама. – В стиле «Аббатства Даунтон», в Уолдорф-Астории.

– С ума сойти! Повезло тебе! – Эллиот округляет глаза.

Но, как ни странно, я совсем не чувствую себя везунчиком. Голова горит, а ладони покрываются испариной. Чтобы попасть в Нью-Йорк, мне придется лететь на самолете. А мне сейчас плохо становится от одной мысли, что я в машину сяду. Я никуда не хочу ехать. Я хочу остаться дома и тихо встретить Рождество в кругу семьи.

– Я останусь, – заявляет Том.

– Почему? – недоумевает папа.

– Мелани возвращается домой на следующей неделе. Так что я никуда не поеду. Мы с ней несколько месяцев не виделись.

Мелани – девушка Тома. Этот семестр она проучилась во Франции. И, судя по романтическим записям, которыми заполнена страничка Тома в Фейсбуке, он очень ждет встречи с ней.

– Ты не можешь не поехать, – огорченно говорит мама. – Мы всегда встречаем Рождество вместе.

Том мотает головой.

– Если хотите отмечать Рождество со мной – оставайтесь.

– Том, – строго произносит папа.

– Я тоже не хочу ехать, – тихо говорю я.

– Но почему?... – Мама вопросительно смотрит на меня. Она так расстроена, что мне становится не по себе. – Рождество в Нью-Йорке. Я думала, вы и раздумывать не станете.

– Да что с вами, ребята? – изумляется Эллиот.

Я умоляюще смотрю на него. Судя по выражению лица, Эллиот догадывается, почему я не хочу ехать, и понимающе сжимает мою руку.

– И чего вы решили в Рождество работать? – спрашивает Том.

– Нам нужны деньги, – отвечает папа таким серьезным тоном, что все глаза обращаются на него.

– Этой зимой дела идут совсем плохо, – говорит мама. – А эта работа – ответ на все наши молитвы. Нам бы в Британии за десять свадеб столько не дали денег, как они платят за одну. И все наши расходы покрывают. Ты точно не хочешь ехать? – с мольбой в глазах спрашивает меня мама.

– Я не могу, я должна...

– Доделать проект по английскому, – помогает мне Эллиот. – От него зависит оценка на итоговом экзамене.

– Именно! – я незаметно подмигиваю Эллиоту. – Так что все праздники буду корпеть над ним. А вы поезжайте, мы тут сами справимся.

– Да, поезжайте. Вернетесь – вместе справим Рождество, – поддакивает Том.

– Даже не знаю. Что думаешь, Роб? – спрашивает мама отца.

– Думаю, что надо это обдумать. – Папа, кажется, расстроен не меньше остальных.

У меня на душе невыносимо тяжело. Хочется сказать маме и папе правду: я вся покрываюсь холодным потом от одной только мысли, что у меня начнется паническая атака в самолете, посреди неба. Но я не могу. Не могу волновать родителей. Если они узнают, что со мной творится, то никуда не поедут и упустят нужные нашей семье деньги. Будет лучше, если они полетят в Америку, а я останусь здесь. Но на сердце все равно беспокойно. Чем больше я боюсь панических атак, тем быстрее уменьшается мой мир.

* * *

17 декабря

Можно ли вырасти из дружбы?

Привет, друзья!

Сначала хочу сказать вам огромное СПАСИБО за добрые слова и советы по поводу моих приступов. Когда вы написали в комментариях, что это типичные панические атаки, мне стало гораздо легче! Вы – лучшие! ☺

Я помню, что обещала написать в этом посте о чем-нибудь веселом, но у меня тут кое-что произошло, и мне необходимо с вами поделиться.

Когда я была маленькой, мне купили чудесное зимнее пальто. Я его просто обожала.

Оно было ярко-красным, с блестящими черными пуговками в виде розочек.

Еще у него был меховой воротничок и меховые манжеты.

Когда я надевала это пальто, то мне казалось, что я прекрасная принцесса из далекой холодной страны. Из России или Норвегии например (в Норвегии ведь холодно, да?).

Я так обожала это пальто, что ходила в нем, даже когда начало теплеть.

А когда на улице стало совсем жарко, я отказалась убирать его в шкаф. Все лето оно провисело у меня в комнате на спинке стула, и я каждый день им любовалась.

На следующую зиму пальто стало мне немного маловато. Но я не обращала на это внимания, я просто жить без него не могла.

К третьей зиме я так подросла, что пуговицы на пальто уже не сходились.

Слова мамы о том, что мне надо купить новое пальто, разбили мне сердце. Но мало-помалу я привыкла к обновке.

У нового пальто не было ни пуговичек в виде роз, ни меховой оторочки, но зато оно было красивого сине-зеленого цвета морской волны.

Спустя какое-то время я достала старое пальто и мне показалось, что меховой воротничок смотрится совсем по-детски, что это больше не моя вещь. Тогда я разрешила маме отдать пальто в детский дом.

Мне кажется, что мы с моей лучшей школьной подругой выросли из нашей дружбы, как вырастают из старой одежды.

Ее слова меня ранят, а все ее поступки кажутся эгоистичным ребячеством.

Поначалу я винила себя. Мне казалось, что это я что-то неправильно делаю или говорю.

А потом я подумала, что иногда дружба, как и одежда, нам больше не подходит не потому, что мы плохие, а потому, что мы из нее выросли.

И я решила отбросить попытки втиснуть в свою жизнь дружбу, которая причиняет мне боль. Я не буду ее хранить, а стану общаться с теми, с кем мне комфортно.

А с вами подобное случалось?

У вас есть друзья, из общения с которыми вы выросли?

Как всегда, очень жду ваших комментариев.

Девушка Online уходит в offline xxx

Глава девятая

Обычно я люблю понедельники. Знаю, знаю, я – фрик! Но ничего не могу с собой поделать: сколько себя помню, всегда с предвкушением встречала первый день новой недели. Понедельник – шанс начать все с чистого листа, за которым тянутся еще семь. Это своего рода коротенький новый год. Но нынешний понедельник меня угнетает, он просто ужасен, и для этого есть четыре причины:

1. Я поняла, что переросла дружбу с лучшей подругой, которую теперь на дух не переношу;
2. Мне предстоит провести целый день с этой ненавистной подругой за подготовкой к спектаклю;
3. Мы будем готовиться к спектаклю с парнем, перед которым я все выходные позорилась;
4. Понедельник – премьера спектакля.

Я совсем пала духом и, подходя к школе, в прямом смысле чувствовала, как сердце стучит в пятках.

– Пен! Хорошо, что ты пришла! – кричит мистер Биконсфилд, едва я вхожу.

«Просто Джеф» не на шутку взволнован: он даже забыл намазать волосы гелем, и челка неаккуратно спадает на лоб.

– А где все? – Я окидываю взглядом пустой зал.

– Они в классе, на генеральной репетиции. А мы, то есть, ты тем временем подправишь декорации.

– А что с ними не так?

– Мой знакомый художник по граффити меня подвел. Вся надежда на тебя.

Несколько недель кряду мистер Биконсфилд только и говорил о своем друге, уличном художнике, который обещал разрисовать наши декорации граффити, чтобы придать им дух гетто. Надо было мне раньше догадаться, что это – гиблое дело. Могу поспорить, что мистер Биконсфилд жизнь улиц знает исключительно по сериалам.

Учитель протягивает мне пакет.

– Но что я могу сделать?

– Сделай граффити на трейлере и заднике. – Мистер Биконсфилд говорит это так невозмутимо, будто просит меня подмести пол. – Мне пора бежать к остальным. Надо помочь Меган: у бедняжки никак не получается запомнить финальные строки.

– Сделай граффити? – Я заглядываю в пакет, заполненный баллончиками с краской. – А что мне рисовать?

Судя по лицу мистера Биконсфилда, он взволнован не меньше моего.

– Не знаю. Пару надписей и что-нибудь еще в этом духе. Ты же у нас помощник декоратора.

Да, я должна помогать в оформлении сцены и фотографировать спектакль. Но я бы ни за что не согласилась на это, скажи мне раньше, что придется перевоплощаться в Бэнкси⁴. Три года назад я написала на скамейке в парке «Я люблю 1D», но не думаю, что такое признание музыкальной группе в любви сойдет за уличное искусство.

– Ладно, я – на репетицию. На первой перемене зайду посмотреть, как у тебя дела.

Мистер Биконсфилд хватает с кресла свою папку и выбегает из зала прежде, чем я успеваю открыть рот.

Я смотрю на белую стену, которую мне предстоит расписать. Нет, это сумасшествие! Мне нельзя к ней приближаться с баллончиком в руках, я же все испортичу, а у меня в планах на

⁴ Бэнкси – псевдоним легендарного английского уличного художника граффити, чья личность до сих пор не установлена.

сегодня нет ни одного провала. Я решаю поступить так, как делаю всегда в непростых ситуациях: пишу эсэмэс Эллиоту. Мы наизусть знаем школьное расписание друг друга: у Эллиота сейчас латынь. Он говорит, что их преподаватель настолько стар, что помнит времена, когда латинский был живым языком. Так что Эллиот сможет написать мне ответ, а учитель даже не заметит.

SOS!!! РЕЖИССЕР ХОЧЕТ, ЧТОБЫ Я РАСПИСАЛА ДЕКОРАЦИИ
ГРАФФИТИ! НАСТОЯЩИМ ГРАФФИТИ!!!
ОН, ПОХОЖЕ, ОКОНЧАТЕЛЬНО СВИХНУЛСЯ!
СПАСАЙ, А ТО И У МЕНЯ КРЫША ПОЕДЕТ!!!
ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ?!!!

Я поднимаюсь на сцену и захожу за картонный трейлер. Думаю, сначала стоит потренироваться на обратной стороне. Если получится ерунда, зрители ее никогда не увидят. Но, если вдруг выяснится, что у меня скрытый талант делать граффити, то я спасу и свою шкуру, и пьесу.

Я достаю из пакета баллончик и снимаю крышку. Как бы выглядела моя подпись, если бы я умела рисовать граффити? Понятия не имею, лучше что-нибудь нарисую. Но что? Что нарисовали бы жители нью-йоркского гетто? Но такое, чтобы еще и в духе Ромео и Джульетты? Может, разбитое сердце? Я аккуратно нажимаю на кнопку на верхушке баллончика. Ничего. Я давя сильнее, и баллончик выстреливает струей ярко-фиолетовой краски. Стараюсь нарисовать сердечко, но получившийся рисунок больше похож на пятую точку. Слава богу, в этот момент телефон оповещает меня о сообщении от Эллиота:

НЕ ПРИКАСАЙСЯ К БАЛЛОНЧИКАМ С КРАСКОЙ!!!

Ты очень талантливая, но рисование – не твой конек # Вспомни Пасхального кролика, которого ты нарисовала для дочки наших соседей. Он крошке Дженнифер еще месяц в кошмарах являлся. Лучше спроси, сможет ли осветитель спроецировать на декорации одну из твоих фотографий. Помнишь, ты снимала стрит-арт в Гастингсе? Хорошо должно получиться.

P.S. Учитель по латыни только что сломал искусственный зуб, пытаюсь откусить яблоко!

Дочитав сообщение от Эллиота, я облегченно вздыхаю. Теперь у меня есть решение нерешаемой проблемы, а значит и надежда. Надежда на то, что остаток дня пройдет гладко...

И я права: весь день идет как по маслу. Актеры и мистер Биконсфилд заняты на репетиции, а Тони, одиннадцатиклассник, ответственный за свет, заранее приходит проверить аппаратуру, и ему легко удается спроецировать одну из моих фото граффити на белую стену. Смотрится невероятно.

Меня не бросает в дрожь при виде Олли. Я остаюсь спокойна, даже увидевшись с Меган в середине дня. За это я мысленно благодарю свой блог. Он помог мне разобраться в себе и понять, что я переросла дружбу с Меган, от чего мне стало гораздо легче с ней общаться.

Олли и Меган так волнуются перед выступлением, что все время только и делают, что повторяют роли. А за несколько минут до начала спектакля мистер Биконсфилд собирает нас за кулисами и произносит речь:

– Ребята, вы отлично сыграете. Как говорил мой кумир Джей-Зи, «жизнь не для того, чтобы потеть, а чтобы в небеса взлететь».

Мы непонимающе смотрим на учителя.

– Ну, ни пуха ни пера, – бормочет он. – И да, Пен, мне нужно, чтобы ты сфотографировала актеров после спектакля, когда все выйдут на поклон. Быстренько выйдешь на сцену и сделаешь пару снимков.

Меня охватывает страх. Ведь это значит, что мне придется стоять на сцене перед полным залом, прямо как в моем САМОМ СТРАШНОМ КОШМАРЕ. Но я не успеваю возразить: мистер Биконсфилд убегает к видеооператору, готовящемуся к съемке, а остальные занимают свои места на сцене.

Я беру в руки камеру и встаю с краю, где меня не будет видно. Все пройдет хорошо, убеждаю я себя. В конце концов, мне же не роль в спектакле велели играть. Я всего лишь должна выйти на сцену, сфотографировать актеров и снова уйти за кулисы. Ну что тут может пойти не так?..

Глава десятая

Пьесу играют как по нотам. Никто не забывает слова, не путает строки, и даже акцент Олли звучит не так уж и плохо. А когда Джульетта на сцене умирает, из зала доносятся всхлипывания.

Когда мистер Биконсфилд проходит за кулисы на вызов актеров, он ловит мой взгляд и расплывается в улыбке.

– Разве не великолепная пьеса? А как они потрясающе играли! – восторгается он.

– Да, игра превосходная, – улыбаюсь я в ответ.

– Не фотографируй, пока все не выйдут на поклон. Включая меня, – шепчет мистер Биконсфилд.

Актеры выходят на сцену с противоположной стороны и выстраиваются в ряд. Публика рукоплещет, а когда появляются Олли и Меган, устраивает овацию. Я забываю, что еще недавно хотела избить Меган, придушить и закидать камнями. Сейчас я растворяюсь во всеобщем ликовании и искренне горжусь подругой. Аплодисменты такие громкие, что я всем телом ощущаю их вибрацию.

Когда все актеры уже на сцене, Меган жестом вызывает мистера Биконсфилда. Этот момент они репетировали много раз, но наш учитель машет руками, будто застеснялся от столь неожиданного предложения. Когда он встает в центр построения, я начинаю подниматься на сцену. И, хотя я очень боялась этого момента, все проходит гладко. Внимание зрителей направлено на актеров, и я чувствую себя невидимкой.

Но тут я делаю последний шаг к центру сцены, и Земля внезапно закручивается против своей оси. Хотя нет – это не Земля, это я лечу вперед, наступив на развязавшийся шнурок конверсов.

Я сразу понимаю, что это падение под специальный маневр не замаскировать: сцена приближается слишком быстро. Я смотрю на фотоаппарат в руке. Нельзя его разбить. Главное, чтобы камера не ударилась о пол. В попытке спасти камеру, я приземляюсь не в лучшей позе: на локти, головой вниз, и высоко подняв заднюю часть туловища в сторону зрителей.

По залу проносится вздох трех сотен человек. Последовавшая за ним тишина прерывается только моим внутренним голосом, удивляющимся, почему попе вдруг стало холодно. Я оглядываюсь и с ужасом вижу, что юбка задралась до самого пояса. В голове, словно фейерверк, взрываются миллионы новых «почему?»: *«Почему я надела мини-юбку? Почему я сняла за сценой плотные колготки, когда стало жарко? Почему, ну почему из всего нижнего белья я выбрала сегодня утром самые старые, самые застиранные трусы, да еще и с единорогами?»*

Я стою на четвереньках и не могу двинуться с места, застыв от шока и ужаса. И тут зрители снова начинают рукоплескать, но уже по-другому. Они насмешливо кричат «Браво!», свистят и хохочут. Я поднимаю глаза: сверху вниз на меня смотрит Меган. Кто-то протягивает мне руку. Это Олли. Мне становится совсем стыдно. Надо скорее уходить отсюда, надо уходить со сцены. Но вместо того, чтобы встать и убежать, я принимаю еще одно ужасное решение – ползти. Как в замедленной съемке я ползу за кулисы, а зал продолжает разрываться от смеха. Наконец, я поднимаюсь на ноги и пускаюсь бежать.

Я не замедляюсь до самого дома и перевозжу дух только ворвавшись в прихожую. Потом избегаю в спальню, стараясь никому не попасться на глаза, и падаю на кровать. Мне так стыдно, ТАК СТЫДНО, что я даже не в силах рассказать обо всем Эллиоту. Лучше я буду лежать в своей комнате до тех пор, пока не сгорю от стыда. Тогда мне больше не придется смотреть людям в глаза.

Но это же нереально. Так же, как и смотреть им в глаза после случившегося. И что мне теперь делать? Я достаю из сумки телефон и украдкой гляжу на экран, ожидая увидеть сотню издевательских сообщений. Но, слава богу, мне никто не написал. Я открываю интернет-браузер. Когда я не могу посоветоваться с Эллиотом, остается одно – спросить Гугл.

«Как пережить публичный позор?» – вбиваю я в поисковик. Он выдает мне сорок четыре миллиона ссылок. Отлично, наверняка я сумею выйти по одной из них на ответ, который подойдет мне. Я кликаю по первой ссылке и перехожу на сайт «Позитивные из позитивных».

«Извлекайте уроки из унижительных ситуаций» – советуют в одной из статей. «Если вы сделаете выводы из того, что случилось, на душе станет легче».

Попробуем.

Уроки, которые стоит извлечь из того, что случилось сегодня:

Урок 1: Если выходишь на сцену перед тремя сотнями зрителей, убедись, что завязала шнурки;

Урок 2: Незавязанные шнурки – серьезная угроза. Если на них наступить, то упадешь так феерично, что юбка непременно явит миру твою пятую точку.

Урок 3: Если на тебе короткая юбка и есть вероятность наступить на шнурки и навертнуться на глазах у трехсот зрителей, убедись, что на тебе не самые плохие трусы.

Урок 4: Никогда и ни при каких обстоятельствах не надевай трусы с разноцветными единорогами.

Урок 5: Никогда и ни при каких обстоятельствах не надевай трусы с разноцветными единорогами, если они **ВЫЦВЕТШИЕ И ЗАСТИРАННЫЕ**, пусть и очень удобные.

Урок 6: Если ты все-таки настолько идиотка, что надела-таки старые застиранные трусы с разноцветными единорогами, и в итоге их увидели триста человек, не уползай прочь. Еще раз: **НЕ УПОЛЗАЙ** за кулисы, продолжая светить труселями!

Все, моя жизнь кончена! Врут на сайте «самых что ни на есть позитивных». Когда я сделала из своего позора выводы, мне стало в миллион раз хуже. Я снова проигрываю в памяти ужасные события, и все внутри съеживается. Моя жизнь – сплошная катастрофа. Мне на лбу нужно сделать татуировку: «Опасна для жизни!» Как ни грустно это признавать, я чувствую себя уверенной и счастливой только в моем блоге – то есть в виртуальном пространстве.

Я не раздумывая захожу в блог с телефона. Под моим постом про закончившуюся дружбу двенадцать новых комментариев. Я читаю полные тепла и поддержки ответы и потихоньку успокаиваюсь.

Я тебя прекрасно понимаю...

Я определенно уже переросла несколько друзей...

Я буду с тобой дружить...

Мне кажется, ты очень хорошая...

Твоя подруга должна жалеть, что потеряла тебя...

Прозвучит странно, но мне кажется, что ты – мой самый близкий друг...

Глаза наполняются слезами, и я притягиваю колени к груди. Выходит, что я не совсем потерянный человек: читатели моего блога любят меня. А я всегда предельно откровенна с ними, в блоге я настоящая. И, главное, никто из моих подписчиков не видел мои трусы.

Эллиот говорил, что на Земле живет больше семи миллиардов человек, а мои трусишки с единорогами видели только три сотни. Это все равно, что один камешек из всей гальки на брайтонском пляже. Правда, половина из этих очевидцев учится со мной в одной школе, но я уверена, что они скоро обо всем забудут. Я сворачиваюсь в клубок и закрываю глаза. «*Миллиарды людей не видели твоих трусов*» – убаюкивает меня внутренний голос. «*Миллиарды людей не видели твоих трусов*».

Мне снится гигантский рождественский календарь с сотней окошечек, но внезапно я просыпаюсь: телефон выдает уведомление, что мне пришло письмо. Я хочу выключить мобильный и пытаюсь нащупать его в темноте, но тут приходит еще одно уведомление, и еще, и еще. На часах пять минут второго. Кто шлет мне письма среди ночи? Телефон пищит снова и снова. Я думаю, что это новые комментарии в моем блоге, но, открыв почту, я вижу, что все уведомления – с Фейсбука.

В первом письме говорится, что Меган Баркер отметила меня в записи на стене. Остальные извещают о комментариях к этому посту. Судя по всему, его видела половина нашей театральной труппы. Я со страхом перехожу по ссылке и загружаю страницу. На ней – видео. На сцене выстраиваются актеры, потом на нее поднимаюсь я, запинаясь и падаю. Меня прошибает холодный пот. Камера выдает крупный план моих трусов, видно даже нитку, свисающую с разошедшегося от старости шва. Я бросаю телефон на пол.

Это конец.

Я совсем забыла, что пьесу снимали. Это очень плохо. Просто ужасно. Меня трясет от страха и стыда. Что же теперь делать? Я велю себе глубоко вдохнуть и успокоиться. Ведь я могу удалить эту запись. Могу?

Я беру ноутбук и включаю прикроватную лампу. Телефон опять пиликает. Тяжело сглотнув, я захожу на свою страничку в Фейсбуке. Маленькая красная иконка в правом верхнем углу сообщает, что у меня двадцать две новости. О нет!

Семнадцать человек уже лайкнули видео. Я через силу смотрю на комментарии. Ого, Меган создала запись, а остальные в основном присылали смущенные смайлики или писали «ЛОЛ». Бетани, у которой в спектакле была роль кормилицы, написала: «Фу, какая пошлость!». А следующий комментарий – от Олли: «По-моему, очень мило».

Я удаляю ссылку с моим именем, и видео сразу исчезает с моей страницы, но уведомления продолжают приходить: все больше и больше старшеклассников комментирует запись и рассылают ее друзьям.

Как Меган могла так со мной поступить? Я бы никогда не сделала подобного. Я быстро отсылаю ей личное сообщение: «Пожалуйста, удали это видео!». Теперь я сижу и смотрю на экран в ожидании ответа, но он не приходит.

– Напиши мне! – шепчу я снова и снова. Но Меган молчит.

Минут через тридцать Фейсбук перестает пиликать новостями. Наверное, мои одноклассники решили поспать. Надо и мне лечь. Но разве я смогу уснуть? К утру все посмотрят это видео. Такое чувство, что я сижу на тикающей бомбе и жду, когда она взорвется.

Несколько часов кряду я маюсь в кровати, без конца проверяя и перепроверяя телефон. Раз за разом обновляю страницу в Фейсбуке, надеясь, что Меган прочитала мою просьбу и стерла видео. В половине шестого, ошалев от усталости, я пишу Меган еще одно сообщение, умоляя ее удалить видео и закрываю глаза. Я убеждаю себя, что все будет хорошо, что Меган удалит видео сразу же, как проснется и прочитает мое сообщение.

Когда за окном начинает светать, я проваливаюсь в беспокойный сон. Из него меня выводит стук Эллиота в стену. Он стучит несколько раз, снова стучит, стучит еще – наш вариант вызова спасательного отряда. Я в ужасе сажусь и стучу, чтобы он пришел. Тут же пищит телефон. Я молюсь, чтобы это была Меган, но сообщение от Эллиота:

ОМГ! ПЕННИ, НЕ ЗАХОДИ В ИНТЕРНЕТ БЕЗ МЕНЯ, УЖЕ БЕГУ.

Я слышу, как захлопнулась дверь Эллиота и он пробежал по дороге. Я спускаюсь вниз, чтобы открыть ему дверь.

– Ты только что встала? – с порога спрашивает Эллиот.

Киваю.

– Не хочу тебя пугать, но случилось кое-что неприятное, – начинает он поникшим голосом.

– Ничего, я все знаю.

– Знаешь?

Похоже, Эллиот немного расстроился, ему нравится приносить плохие вести.

– Ты про видео? – уточняю я.

Мы проходим мимо родительской спальни, дверь открывается и из комнаты выходит папа. Завидев Эллиота, он улыбается и качает головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.